

327.2

P 82

Ю. Рубинский

**СОЮЗ
ОБРЕЧЕННЫХ**

ПОЛИТИЗДАТ

1963

Ю. РУБИНСКИЙ

Союз обреченных

(о планах политической «интеграции»
в Западной Европе)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1963

327.2-63

Эта брошюра рассказывает о политической подоплеке различных планов объединения Западной Европы, которые уже давно поднимаются на щит финансовыми магнатами.

Автор брошюры, кандидат исторических наук Ю. И. Рубинский, раскрывает истинное содержание, смысл политической «интеграции» западноевропейских монополий. Он показывает, что за миролюбивыми фразами объединителей Европы кроются темные замыслы международной реакции, которая тщетно стремится возводить все новые плотины на пути могучего потока революционного движения народов.

...Это произошло в погожий весенний день в Риме — городе, который любят называть вечным. За тысячи лет его древние стены видели падение многих великих государств и империй, вторжения завоевателей, костры инквизиции, вереницы паломников, войны, перевороты и революции.

Возле палаццо Консерватори — старинного дворца на холме Капитолий, где помещается римская ратуша, царило особое оживление. К парадному подъезду один за другим подкатывали сверкающие лимузины, над их радиаторами трепетали пестрые иностранные флажки. Величественные гвардейцы, полицейские и швейцары почтительно застывали при виде именитых гостей, медленно поднимавшихся по ступенькам. Суетились журналисты, мелькали лампы-вспышки фоторепортеров — готовился крупный дипломатический спектакль. Для участия в нем прибыли министры иностранных дел ФРГ, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга, окруженные целой армией советников, экспертов, переводчиков и секретарей. 25 марта 1957 г. руководители дипломатии шести стран Западной Европы поставили свои подписи под пачкой объемистых документов, известных под названием Римских соглашений. Так родилось Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), или «общий рынок», — организация, на которую сейчас возлагает свои надежды, как на якорь спасения, западно-европейская финансовая олигархия.

Новая организация тщательно пряталась на первых порах за густой вуалью запутанных экономических

текстов, торговых и финансовых условий. Но вскоре сквозь эту вуаль начали явственно проступать хорошо знакомые народам черты политического курса, несущего реакцию, нищету и войну.

Уроки прошлого

Не в первый раз представители обреченного эксплуататорского класса пытаются сплотиться воедино в международном масштабе, чтобы общими силами спасти устои отжившей социально-экономической системы. 26 сентября 1815 г. австрийский и русский императоры Франц I и Александр I, а также король Пруссии Фридрих-Вильгельм III подписали в Париже так называемый «Акт Священного союза». Это был своего рода договор о взаимопомощи реакционнейших сил тогдашней Европы, к которому вскоре присоединился французский король Людовик XVIII. Властители прогнивших феодальных монархий, смертельно напуганные бурным движением народных масс в период французской буржуазной революции, пытались штыками оградить шатавшиеся троны, как свои, так и чужие. Они торжественно обязались «во всяком случае и в любом месте... подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь».

Краеугольным камнем «Священного союза» был объявлен принцип легитимизма — сохранения в неприкосновенности феодально-абсолютистских режимов, возврата Европы к политическому и территориальному положению, существовавшему накануне революции 1789 г. Принцип легитимизма оправдывал иностранное вмешательство во внутренние дела европейских государств. Он утверждал солидарность феодальной аристократии всей Европы, противопоставляя эту солидарность принципу национального суверенитета, который служил идейным знаменем молодого восходящего класса того времени — буржуазии. Верным союзником и подручным «Священного союза» была католическая церковь. Характерно, что еще в 1799 г. в Германии вышла поэма «Европа или христианство». Ее автор, реакционный поэт-романтик Новалис, яростно нападал на национальные государства и звал европейские народы назад, к мрачной эпохе раннего средневековья, когда чуть ли не

вся Западная Европа находилась под духовным и политическим влиянием папы римского.

Четырежды собирались участники «Священного союза» — в Аахене в 1818 г., в Троппау в 1820 г., в Лайбахе в 1821 г. и в Вероне в 1822 г. И каждый раз вслед за встречами коронованных палачей лилась кровь народов. В октябре 1820 г. участники конгресса в Троппау провозгласили «законной» расправу над суверенными государствами, когда «образ их правления будет изменен путем восстания и когда это изменение будет представлять опасность для других членов Союза». С благословения католического, протестантского или православного духовенства армии «Священного союза» душили революции в Неаполе, Пьемонте, в Испании.

Однако революционное движение, которое отвечает объективным требованиям развития общества, невозможно потопить в крови. Революции в бывших южноамериканских колониях Испании, героическая борьба народа Греции против турецкого ига, наконец, победоносная революция 1830 г. во Франции нанесли «Священному союзу» смертельные удары. Раздираемый все более острыми конфликтами между участниками, он бесславно рухнул, так и не достигнув намеченной цели.

С тех пор прошло почти полтора столетия. Давным-давно канули в прошлое абсолютные монархии Европы, феодальное дворянство вынуждено было уступить место господствующего класса победившей буржуазии. Капитализм, в свою очередь, исчерпал то прогрессивное содержание, которым характеризовался на первых порах. Основанные на частной собственности производственные отношения пришли в непримиримое противоречие с уровнем развития производительных сил, властно диктовавших необходимость перехода к более высокой форме организации общества — к социализму. Но чем более явной становилась обреченность капитализма, тем отчаяннее хозяева уходящего мира пытались силой задержать неумолимый ход истории.

Буржуазия вступила на арену политической борьбы под лозунгом национального сплочения всех слоев народа против международных сил феодально-абсолютистской реакции, которая ставила преданность трону и алтарю выше верности нации. По мере того как

неразрешимые противоречия между собственниками и неимущими, эксплуататорами и эксплуатируемыми выступали на первый план, иллюзию «национального единства» безжалостно разбивала суровая действительность классовой борьбы. Крупная буржуазия все чаще шла на самое циничное предательство национальных интересов ради своих выгод.

В основе антинациональной политики эксплуататорских классов лежало сознание слабости их тылов в собственной стране, неуклонное сужение социальной базы господства монополий. Чем больших побед добивались рабочее движение в странах капитала и национально-освободительные революции колониальных и зависимых народов, тем отчетливее проявлялись космополитические настроения финансовой олигархии, настойчиво искавшей за рубежом помощи и поддержки против «внутреннего врага».

«Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские», — писали Маркс и Энгельс уже в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии».

В дни Парижской коммуны 1871 г. — первого образца пролетарской диктатуры — буржуазия французской столицы во главе с Тьером, этим «карликом-чудовищем», по уничтожающей характеристике Маркса, униженно вымаливала помощь у германского канцлера Бисмарка. В разгар революционного движения в Германии после первой мировой войны немецкая буржуазия Рейнской области активно поддерживала инспирированное французскими оккупантами сепаратистское движение. Оно преследовало цель превратить значительную часть германской земли в протекторат Франции (в этом движении активно участвовал будущий канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, в то время обербургомистр Кёльна). В свою очередь, значительная часть французской финансовой олигархии, смертельно напуганной Народным фронтом накануне второй мировой войны, вначале стала на путь преступной политики «умиротворения» фашистских агрессоров, а затем прямого сотрудничества с гитлеровцами.

«...Общий, лежащий в основе экономического капи-

талистического союза, союз империалистов всех стран, союз, естественно и неизбежно для защиты капитала, не знающего отечества, доказал многими крупнейшими, величайшими эпизодами в мировой истории, что выше интересов отечества, народа и чего угодно капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся», — писал В. И. Ленин. Эти ленинские слова предельно четко характеризуют процесс превращения монополистической буржуазии в антинациональную силу, глубоко враждебную народам.

Под флагом «пан-Европы»

В эпоху общего кризиса капитализма тенденция к сращиванию и борьбе монополий вне национальных границ вызвала к жизни так называемую «европейскую идею». Она играет сейчас все более заметную роль в экономике и политике стран Западной Европы.

Классовые силы, стоявшие у колыбели этой «идеи», делали все возможное, чтобы придать ей внешне миролюбивый и даже прогрессивный облик. Бессовестно спекулируя на величайших страданиях, которые принесли народам бесконечные войны, «европеисты» заявляли, будто только единая федеральная система под вывеской «Соединенных Штатов Европы» способна ликвидировать самую почву для национализма и связанных с ним вооруженных столкновений. Они уверяли также, будто консолидация сторонников «демократии» в этом объединенном «сверхгосударстве» поможет обуздать воинственные реакционно-милитаристские силы.

Подобные рецепты особенно настойчиво рекламировали лидеры западноевропейской правой социал-демократии. Когда первая мировая война вызвала грозное революционное брожение во всех воюющих странах, социал-реформисты пытались подменить лозунгом «Соединенных Штатов Европы» революционный лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Одним из главных защитников «европейских» теорий был небезызвестный ренегат Каутский.

Именно тогда В. И. Ленин выступил со своей знаменитой статьей «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой подчеркивал: «Соединенные Штаты

Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны».

Теоретик и вождь революционного пролетариата отмечал, что объективная тенденция к хозяйственному объединению стран и территорий принимает в политике финансовой олигархии уродливые формы закабаления более слабых участников империалистических блоков более сильными. Она сталкивается поэтому с противоположной тенденцией к сохранению национальной самостоятельности капиталистических стран. В то же время неравномерность развития отдельных трестов, отраслей и целых государств делает неизбежными резкие сдвиги в соотношении сил между ними. Это порождает периодические вспышки острейших противоречий из-за дележа рынков, источников сырья, сфер приложения капитала.

Как убедительно показал В. И. Ленин, соглашения между капиталистами, временно отодвигающие империалистические противоречия на задний план, возможны только для того, чтобы «сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии...» В эпоху господства монополий «объединение Европы» являлось не фактором мира и прогресса, а, напротив, новым источником международных осложнений, военной опасности, социального гнета и политической реакции.

Дальнейшие события полностью подтвердили справедливость ленинской оценки «европейской идеи». Эту «идею» поочередно поднимали на щит представители различных империалистических держав. Все они рассчитывали использовать благовидный предлог «объединения Европы» для совместной агрессии против первого в мире социалистического государства и одновременно под ширмой антикоммунизма поживиться за счет партнеров.

Заметной вехой в истории «европеизма» между двумя мировыми войнами явились планы создания Европейского федерального союза, вдохновителями которых выступили правящие круги Франции. После провала надежд на обеспечение своей гегемонии в Западной Европе насильственными средствами (неудача оккупации Рура франко-бельгийскими войсками в 1923 г.) французские монополии начали изыскивать наиболее

удобные формы сговора с побежденной Германией. Таким образом они надеялись закрепить основы версальской системы. Острое франко-германского блока нацеливалось против СССР. В начале 30-х годов именно Франция была инициатором нового крестового похода против Страны Советов.

Вместе с тем французская финансовая олигархия рассчитывала опереться на экономическую мощь Германии в борьбе против влияния США и Англии в Западной Европе.

Бессменный руководитель французской дипломатии того времени Аристид Бриан воспользовался для маскировки своих истинных целей услугами так называемого «пан-европейского движения», основанного графом Рихардом Куденгове-Калерги. В своей нашумевшей книге «Пан-Европа», изданной в Вене в 1923 г., на страницах журнала того же названия, а также с трибуны многочисленных конгрессов и конференций Куденгове-Калерги проповедовал необходимость создания европейского таможенного союза, якобы способного перерасти в единое государство. Последнее должно было, по мысли изобретателя «пан-Европы», наладить совместную эксплуатацию колоний. Учитывая отвращение европейских народов к бряцанию оружием после четырехлетней кровопролитной бойни, Куденгове-Калерги постарался раскрасить свои теории самыми радужными либерально-пацифистскими разглагольствованиями. Но они не скрыли антисоветской направленности плана «пан-Европы».

В мае 1930 г. министерство иностранных дел Франции разослало западноевропейским правительствам меморандум об организации режима Европейского федеративного союза, который расписывали как чудодейственное средство для преодоления мирового кризиса 1929—1933 годов и политической напряженности, порожденной грабительским Версальским договором.

Официальными целями союза провозглашались регулирование деятельности международных картелей и постепенное снижение таможенных тарифов для создания, в конечном итоге, «общего рынка». Однако центр тяжести бриановского меморандума лежал в области политики. Недаром главным принципом будущего союза была объявлена «общая подчиненность экономиче-

ской программы политической». Смысл такой постановки вопроса был очевиден: французские монополии надеялись использовать положение своей страны как одной из основных держав-победительниц в первой мировой войне, чтобы закрепить за ней руководящую роль в союзе, несмотря на превосходство промышленного потенциала Германии.

Однако широковещательный «план Бриана» так и остался на бумаге. У «пан-Европы» не было прочной экономической базы. В условиях жесточайшего мирового кризиса 1929—1933 гг. внешнеторговая политика большинства западноевропейских стран, в том числе и самой Франции, отличалась стремлением наглухо замкнуться в своих границах, чтобы уберечь внутреннее и колониальные рынки от вторжения иностранных товаров. Поэтому резкое обострение противоречий помешало империалистам сплотиться воедино под антисоветским знаменем.

Германские монополии сразу же разглядели в «плане Бриана» попытку увековечить скроенную в Версале карту Европы и закрепить за французской финансовой олигархией руководящую роль в будущем «федеративном союзе». Концерны Рура не были заинтересованы в регулировании экономических отношений между западноевропейскими странами межгосударственным политическим аппаратом. Опираясь на мощь реконструированной за счет американских займов индустрии, они выступали под флагом «свободы торговли».

Еще менее радушный прием меморандум Бриана нашел в Лондоне. Британская дипломатия не без основания сочла, что речь идет об опасном дублировании Лиги наций, где ее влияние было в то время преобладающим. В 1922—1925 гг. правители Англии охотно прикрывались маской сторонников франко-германского примирения. Они видели в этом не только удобную ширму для возрождения побежденной Германии как важного торгового партнера, но и превращения ее, с одной стороны, в силу, противостоящую планам гегемонии Франции в Западной Европе, а с другой — в стержень антисоветского блока. Но как только сближение монополий по обе стороны Рейна начало становиться чересчур тесным, британские правящие круги поспешили торпедировать бриановские идеи.

Таковыми же соображениями руководствовались и империалисты США. Вложив колоссальные капиталы в промышленность Германии, они, естественно, поддерживали ее внешнюю экспансию путем ликвидации таможенных барьеров в Западной Европе. Но если США всячески поощряли планы «европейского объединения» для более активной борьбы против социализма, то они весьма враждебно отнеслись к великодержавным устремлениям Франции.

Банкротство профранцузской «пан-Европы» не означало исчезновения со сцены «европейской идеи». Следующими в роли ее главных трубадуров выступили немецкие фашисты.

После разгрома Германии в 1918 г. «европейская идея» широко использовалась такими махровыми представителями германского империализма, как Франц фон Папен, для подготовки ревизии Версальского договора. Слияние в «общеевропейском» котле как победителей, так и побежденных государств должно было, по замыслу немецких «европеистов», помочь рурским концернам использовать превосходство своего промышленного потенциала для гегемонии в «объединенной Европе» (разумеется, под флагом совместной «борьбы против большевизма»). Один из руководителей химического концерна «И. Г. Фарбениндустри», Дуисберг, заявлял в 1931 г.: «Для окончательного разрешения европейской проблемы... должен быть создан тесный экономический блок от Бордо до Одессы, являющийся становым хребтом Европы».

После прихода Гитлера к власти в 1933 г. заправила «третьего рейха» не прочь были прибегнуть для усыпления бдительности своих будущих жертв к звонкой «европейской» фразеологии. Банкир Яльмар Шахт, организовавший финансовое хозяйство фашистской Германии, уверял графа Куденгове-Калерги: «Вы увидите, Гитлер создаст пан-Европу!» Играя на антисоветских настроениях правящих кругов западных держав, шеф нацистской дипломатии Иоахим фон Риббентроп говорил журналистам: «Англия, Франция, Германия и другие западноевропейские государства должны быть объединены для защиты культуры старого мира».

Это «объединение» обернулось захватом гитлеровскими полчищами почти всех государств Западной

Европы, насильственным навязыванием им марионеточных профашистских режимов и превращением их экономики в придатки германской военной машины. Миллионы жертв гестаповского террора, задушенных в газовых камерах и сожженных в крематориях лагерей смерти, миллионы рабов, принудительно вывезенных в Германию, методический грабеж национального достояния оккупированных стран — таковы были «достижения» кровавого «нового порядка в Европе». И вместе с тем фашистский идеолог Альфред Розенберг нагло заявлял на конгрессе «европейского союза» летом 1943 г., что Германия осуществила «объединение Европы под знаком культуры против степного варварства!»

«Европейская идея» после второй мировой войны

Советский Союз вынес основную тяжесть титанической борьбы против фашистской Германии и ее союзников, спас европейскую цивилизацию от гибели под пятой гитлеризма. Прогрессивное человечество напряженно следило за кровопролитными битвами на советско-германском фронте. Героические подвиги советских солдат вдохновляли сотни тысяч бойцов движения Сопротивления оккупантам и их презренным прислужникам-квислингам. Бухарест, Прага, София и другие столицы восточноевропейских государств с восторгом и благодарностью приветствовали советских воинов-освободителей.

Между тем, у английских и американских империалистов победы Советской Армии вызывали совсем иные чувства. Они лихорадочно спешили соорудить новую плотину против влияния идей коммунизма.

В этой обстановке опять появилась изрядно потрепанная «европейская идея». Ее главным адвокатом выступил на сей раз британский премьер-министр Уинстон Черчилль. В разгар войны, когда Советская Армия ценой величайших жертв ломала хребет фашистскому зверю на Волге, а западные державы упорно затягивали открытие второго фронта, Черчилль в речи по радио 21 марта 1943 г. вновь вспомнил о «пан-Европе». Он предложил создать Европейский совет — нечто вроде

постоянно действующей конференции глав правительств стран Западной Европы и общую «европейскую армию». Подобная комбинация приобретала хорошо знакомую антисоветскую окраску.

Не успели отгреметь залпы орудий и зарастить травой обугленные поля сражений, как в мире опять запахло порохом. В марте 1946 г. Черчилль, оказавшийся к тому времени не у дел, произнес в американском городе Фултоне нашумевшую речь, расцененную историками как «официальное объявление холодной войны». Правящие круги США и Великобритании открыто взяли курс на раскол антигитлеровской коалиции и создание империалистического блока, нацеленного против СССР и стран народной демократии, народы которых смели реакционные режимы и приступили к строительству социализма. Ядро такого блока должны были составить милитаристские и реваншистские силы Западной Германии.

«Европейская идея» вновь, как и после первой мировой войны, стала ширмой для возрождения германского милитаризма. 15 сентября 1946 г., через полгода после выступления в Фултоне, Черчилль произнес речь в швейцарском городе Цюрихе. «Мы должны создать нечто вроде Соединенных Штатов Европы», — заявил он. К тому времени подобные заявления сделали генерал де Голль, вождь французских социал-реформистов Леон Блюм, голландский министр иностранных дел Поль ван Зееланд. Но именно Черчилль впервые после войны во всеуслышание призвал к включению в этот союз германских милитаристов.

Реакция французского народа на такого рода планы должна была оказаться наиболее острой. Ведь Франция, больше чем какая-либо из западноевропейских стран, страдала на протяжении 70 лет от троекратной агрессии германского милитаризма. Поэтому Черчилль в цюрихской речи лицемерно распространялся на тему о необходимости «франко-германского примирения», которое станет якобы залогом вечного мира в Европе.

После сигнала, данного Черчиллем, «европейские» организации начали множиться, как грибы под дождем. В дополнение к существовавшим «Европейскому союзу федералистов», «Независимой лиге европейского сотрудничества», «Пан-европейскому союзу» (во главе с престарелым графом Куденгове-Калерги) в Лондоне был

создан в январе 1947 г. под председательством отставного премьера Черчилля «Комитет борьбы за объединенную Европу» (входили представители разных политических партий). В июне того же года в Париже возник «Французский совет борьбы за единую Европу» и т. д. Их пропагандистская деятельность, получавшая щедрую финансовую поддержку, дирижировалась «Международным комитетом движения за единство Европы», штаб которого разместился в Лондоне.

Особая активность британских правящих кругов в гальванизации «европейской идеи» в 1946—1949 гг. объяснялась не только антисоветскими соображениями. Серьезно ослабленная во второй мировой войне, Англия рассчитывала уравновесить Францию восстановленной мощью Западной Германии и сплотить под своей эгидой страны Западной Европы, а затем выступить в выигрышной роли главного посредника между ними и США.

После того как в марте 1947 г. был заключен Дюнкерский договор о союзе между Англией и Францией, британское правительство добилось подписания 17 марта 1948 г. в Брюсселе так называемого договора о взаимопомощи и коллективной обороне между Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом.

Этот договор, известный под названием Западного союза, включал как военные статьи, формально упоминавшие о возможности агрессии со стороны Германии, так и статьи об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве. Аппарат союза должен был находиться в Лондоне, а объединенный «европейский штаб» — в парижском пригороде Фонтенбло.

Однако честолюбивые замыслы Форейн-оффиса, рассчитывавшего превратить Западный союз в опору британской дипломатии, способную оградить позиции Англии от натиска США, очень скоро показали свою несостоятельность. «Объединение Европы» началось не под британской, а под американской эгидой. Английские правящие круги поплелись в фарватере США, провозгласив доктрину «англо-американской солидарности» основой основ своей внешней политики.

5 июня 1947 г. государственный секретарь США генерал Джордж Маршалл в своей пресловутой речи в Гарвардском университете выдвинул план так называе-

мой «экономической помощи Европе». Это была программа спасения западноевропейского капитализма от грозившей революции, а также закрепления руководящей роли финансовой олигархии США в западном мире. «Американская помощь станет, по-видимому, машиной антикоммунистической войны», — подчеркивала парижская газета «Монд» 11 октября 1947 г.

Кредиты и «дары» по «плану Маршалла» превратились в военную «помощь», способствовавшую переводу экономики Западной Европы на рельсы милитаризации. Одновременно Вашингтон форсировал сколачивание военно-политической группировки, способной объединить ресурсы мирового империализма для борьбы против сил мира, демократии и социализма. Эту задачу призваны были выполнить Североатлантический пакт, подписанный в Вашингтоне 4 апреля 1949 г., и родившаяся на его основе Организация Североатлантического договора (НАТО).

«План Маршалла» и НАТО превратили западноевропейские страны в младших партнеров, экономика и внешняя политика которых послушно равнялись на директивы из Белого дома. В свою очередь, многочисленные организации борьбы за «объединение Европы» стали приводными ремнями громоздкой машины Североатлантического блока. Так, учрежденная в 1948 г. Европейская организация экономического сотрудничества в составе 16 государств занималась распределением американских кредитов и безуспешно пыталась добиться отмены количественных ограничений в торговле между странами-участницами «плана Маршалла». Европейский платежный союз осуществлял многосторонние расчеты и кредитование этой торговли в условиях валютного хаоса первых послевоенных лет. Что же касается механизма Западного союза, то он растворился в НАТО и потерял самостоятельное значение.

Крах британских планов «объединения Европы» под эгидой Англии особенно наглядно проявился в 1948—1949 гг., когда шли переговоры о политическом сообществе западноевропейских стран.

С 7 по 10 мая 1948 г. в Гааге состоялся первый «европейский конгресс», на котором присутствовало свыше 800 делегатов. Конгресс принял резолюцию, гласившую: «Для наций Европы настал час передать некоторые из

своих суверенных прав для совместного осуществления их». Резолюция требовала созыва «Европейской Ассамблеи» из представителей парламентов различных стран. Эту резолюцию поддержали в ноябре 1948 г. представители США — Джон Фостер Даллес и Филип Джессеп. После долгих препирательств в разных комитетах и комиссиях был разработан статут новой организации — Европейского совета. Его подписали 5 мая 1949 г. в Лондоне представители десяти государств (Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Италии, Норвегии, Швеции, Дании, Ирландии).

Этот пространный документ предусматривал образование консультативной ассамблеи и комитета министров. Вокруг вопросов о полномочиях, составе и порядке формирования каждого из них развернулась ожесточенная грызня.

Наиболее острыми оказались противоречия между двумя главными участниками — Англией и Францией. Британские правящие круги отстаивали построение Европейского совета по принципу обычного межгосударственного союза. Они требовали, чтобы решения совета принимались единогласно или, во всяком случае, не связывали страну, которую они не устраивают. Английская дипломатия настаивала также на центральной роли комитета министров и на чисто совещательном характере ассамблеи. Парламентариев в ассамблею должны были рекомендовать правительства. Наконец, по мысли английских политиков, в Европейский совет должны были входить на первых порах только пять стран Брюссельского пакта (Западного союза), среди которых Англия играла первую скрипку, а затем постепенно будут включаться остальные участники «плана Маршалла».

В то время интересы английских монополий все еще тяготели к колониальной империи, уже дававшей серьезные трещины и спешно перекрашенной в Содружество наций. Поэтому британская финансовая олигархия не хотела связывать себе руки в Западной Европе, ограничивать свободу действий на имперских коммуникациях и открывать туда путь американским конкурентам. Кроме того, английская дипломатия опасалась утратить вместе с частью суверенных прав и положение главного секунданта США. Наконец, буржуазии Англии

внушал страх бурный рост прогрессивных сил, завоевавших в ряде западноевропейских стран широкое представительство в парламентах.

Иными соображениями руководствовались правящие круги Франции. Их колониальные тылы, за исключением Индокитая, казались тогда еще относительно спокойными. Зато внутренние и международные позиции французского капитала были подорваны гораздо сильнее, чем британского. Опозоренные капитуляцией 1940 г. и сотрудничеством с национальным врагом в годы гитлеровской оккупации, монополисты лихорадочно искали финансовой, морально-политической и военной поддержки за рубежом против резко возросшего влияния коммунистической партии. В то же время они учитывали перспективу возрождения с помощью США германского империализма, являвшегося их соперником.

Французская дипломатия в 1948—1949 гг. добивалась придания органам Европейского совета «наднационального», федеративного характера. 18 августа 1948 г. министр иностранных дел Жорж Бидо вручил своим коллегам по Постоянному консультативному комитету Брюссельского пакта меморандум о созыве «европейского парламента». Меморандум предусматривал комплектование ассамблеи не правительствами, а парламентами стран-участниц из депутатов различных партийных фракций и расширение полномочий этой ассамблеи в ущерб правам комитета министров.

Одна из главных целей французских предложений состояла в том, чтобы расширением полномочий Европейского совета «растворить» в нем западногерманское государство (пока концерны Рура еще не оправились от разгрома во второй мировой войне). Официальная печать разрекламировала мнимое «европейское решение» германской проблемы, стремясь тем самым снять с правящих кругов Франции тяжелую ответственность за соучастие в сломе четырехстороннего контрольного механизма в Германии, срыве демилитаризации и денацификации ее западных зон.

Напряженная борьба между французскими и британскими дипломатами в Европейском совете завершилась компромиссом. Ассамблея совета рекрутировалась по методу, определявшемуся каждым правительством. Права ассамблеи (как, впрочем, и комитета

министров) оставались чисто совещательными, консультативными. Органы совета могли давать лишь рекомендации правительствам стран-участниц, которые были вольны принять или отвергнуть их. Военные вопросы не входили в сферу деятельности Европейского совета, поскольку они закреплены за НАТО.

Первые же шаги новой организации показали, что действенность ее будет весьма слабой. «Непреклонная оппозиция Англии всякой европейской федерации превратила Европейский совет в немногим большее, чем дискуссионный клуб, резолюции и рекомендации которого клались под сукно различными национальными правительствами»,—признавал американский журнал «Иэйл ревью» осенью 1954 г. Консультативная ассамблея, обосновавшаяся в Страсбурге, стала ареной для упражнений буржуазных депутатов в пустопорожном красноречии. «Англо-французская «Большая Европа»... вертелась вхолостую в обстановке все большей скуки по мере того, как нагромождались доклады, резолюции и тома статистики»,—разочарованно писал швейцарский буржуазный публицист Герберт Люти. Единственным плодом бесконечных словопрений в Страсбурге явилось принятие высокопарного документа под названием «Европейская хартия прав человека». Однако никто не принимал ее всерьез.

Между тем общая ситуация в мире становилась все более тревожной. Американские империалисты, верившие тогда в свою атомную монополию, лихорадочно пытались дополнить ее внушительными обычными вооруженными силами, «пушечным мясом» своих западно-европейских союзников. Они надеялись создать пресловутую «позицию силы», чтобы получить возможность разговаривать с Советским Союзом языком диктатора. Главным поставщиком наемников для США могла стать Западная Германия с ее опытными «кадрами» недобитых гитлеровских военных преступников, охваченных жадой реванша, и промышленным потенциалом Рура.

Под прикрытием разглагольствований страсбургской ассамблеи о «защите европейской культуры» западные державы лихорадочно углубляли раскол Германии. 10 августа 1949 г. в Страсбурге впервые собрались консультативная ассамблея и комитет министров Евро-

пейского совета, а четыре дня спустя (14 августа) оккупационные власти западных зон Германии провели выборы в сепаратный парламент ФРГ — бундестаг. Вскоре ФРГ приняли в Европейский совет и Европейскую организацию экономического сотрудничества. Тем самым был сделан первый шаг на пути превращения ее из побежденной страны в союзника западных держав, которые успели к этому времени сколотить агрессивный блок против СССР.

Рождение и кризис «малой Европы»

Создание ФРГ существенно изменило расстановку политических сил в лагере империализма. Монополии США считали своей важнейшей задачей не только восстановление промышленного потенциала, но и скорейшую ремилитаризацию ФРГ.

Перспектива перевооружения векового врага Франции — германского милитаризма — неминуемо должна была вызвать бурное негодование французской общественности и грозила подорвать позиции реакционных партий накануне парламентских выборов в 1951 г. Вместе с тем возрождение традиционного соперника за Рейном в известной мере тревожило и часть французской буржуазии, искавшей наиболее удобные способы для налаживания сотрудничества с концернами Рура.

Результатом этих поисков оказался очередной вариант многоликой «европейской идеи». Он призван был, с одной стороны, отвлечь внимание французского народа от угрозы германского милитаризма и реваншизма разговорами о «вечном франко-германском примирении» в лоне «единой Европы», а с другой — создать наиболее приемлемые для французской стороны условия сращивания монополистического капитала Франции и ФРГ в борьбе против лагеря социализма, прогрессивных сил Западной Европы и национально-освободительного движения в колониях. Известный буржуазный экономист Франсуа Перру указывал, что в глазах французских правящих кругов «европейская интеграция» являлась «средством восполнить потерю удельного веса Франции в Европе, обеспечить свою безопасность и сдержать экспансию соседа».

Англо-французские стычки вокруг структуры Европейского совета показали, что участие Великобритании с ее обширными заморскими интересами в западноевропейских организациях федеративного характера крайне сомнительно. Поэтому «европеисты» решили сузить масштабы своих организаций, ограничив их шестью континентальными государствами — Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Голландией и Люксембургом (так называемой «малой Европой», или «Европой шести»).

Франция, успевшая превзойти в 1949 г. примерно на 25% довоенный уровень своего промышленного производства, контролировавшая угольно-металлургический потенциал Саарской области и огромные ресурсы колониальной империи, была тогда экономически наиболее сильным государством среди «шестерки». Еще больше ее преимущество сказывалось в политической области. Немецкие и итальянские монополии к тому времени не восстановили своих позиций на международной арене, а страны Бенилюкса¹ вообще не могли приниматься в расчет как серьезные претенденты на гегемонию в «малой Европе».

Становым хребтом «шестерки» должен был стать франко-боннский союз (при доминирующей роли Парижа), заостренный против лагеря социализма. Монополии Франции надеялись, что «интеграция» стран «шестерки» сдержит рост экономики ФРГ, тогда еще не обремененной, подобно французской, тяжелым грузом гонки вооружений и колониальных войн. Они рассчитывали, кроме того, что ограничение «интеграции» узкими территориальными рамками «малой Европы» поможет потеснить английские товары на континенте и обеспечить за счет этого известные выгоды картелям Франции и ФРГ.

Французские проекты «малой Европы» 1950—1952 гг. носили ярко выраженный «наднациональный» характер, предполагавший передачу части суверенных прав стран-участниц органам сообщества, в которых финансовая олигархия Франции рассчитывала захватить преобладающее влияние.

¹ Таможенный союз Бельгии, Голландии и Люксембурга, основан в 1944 г.

Идея франко-боннского экономического союза, провозглашенная канцлером Аденауэром в интервью журналистам 7 марта 1950 г., была немедленно поддержана генералом де Голлем. «Пришло время, когда Рейн должен превратиться из пропасти в место встречи,— заявлял он.— Если не ограничивать себя необходимостью трезво смотреть на вещи, то можно оказаться почти ослепленным перед перспективой объединения высших качеств германской нации и французской нации, продолженной в Африке... В конечном счете, это было бы возобновлением на современной основе — экономической, социальной, стратегической и культурной — предприятия Карла Великого...» Речь де Голля сопровождалась жалобами на подчиненное положение западноевропейских стран в НАТО и намеками на желательность несколько улучшить их позиции за счет США.

Первым шагом при создании «малой Европы» стала государственно-монополистическая «интеграция» угледобывающей, горнорудной промышленности и черной металлургии шести стран. Ее проект был с большой помпой обнародован министром иностранных дел Франции Робертом Шуманом 9 мая 1950 г. — в пятую годовщину Дня Победы над гитлеровской Германией.

Выбором этой даты правящие круги Франции вызывающе подчеркивали «переворот союзов», произошедший в их внешнеполитическом курсе, — от союза с СССР; против гитлеровской Германии, к блоку с вчерашними гитлеровскими генералами в Западной Германии, против Страны Советов.

Речь Шумана была выдержана в самых «пацифистских» тонах. Изображая «примирение» Франции и ФРГ необходимым условием мира в Западной Европе, он заявлял: «Французское правительство предлагает подчинить все франко-германское производство угля и стали общему Верховному органу в рамках организации, открытой для участия остальных европейских стран... Созданная таким путем производственная солидарность сделает всякую франко-германскую войну не только немыслимой, но и материально невозможной».

В 1951—1953 гг. договор о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) был детально разработан, подписан, проташен через парламенты и вступил в действие. Он предусматривал отмену таможенных та-

рифов и прочих ограничений в торговле углем, коксом, железной рудой, черными металлами, выравнивание цен, регулирование капиталовложений, производства и сбыта. Всем этим ведал обширный чиновничий аппарат, обосновавшийся в Люксембурге. Во главе его стоял так называемый верховный орган под председательством фактического автора «плана Шумана» — известного финансиста Жана Монне, тесно связанного с монополистическим капиталом США. Наряду с «наднациональным» верховным органом, члены которого обязывались руководствоваться только «общими интересами» объединения, формировался межправительственный совет министров. Там государства могли отстаивать свои интересы. Декоративную видимость общественного контроля создала ассамблея из представителей парламентов «шестерки», периодически заседавшая в Страсбурге. Для разрешения конфликтов учреждался особый суд.

«План Шумана» отнюдь не являлся изолированным мероприятием в области угледобычи или черной металлургии «малой Европы». Он с самого начала был задуман как ядро, зародыш «Европейской федерации», построенной по «наднациональному» принципу. После неудачной попытки организовать в 1948—1949 гг. таможенный блок в составе Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга («Фриталюкс», или «Финебель») из-за соперничества Франции и Италии в торговле одинаковой сельскохозяйственной продукцией парижские «европеисты» решили перейти к «вертикальной интеграции» по отдельным отраслям, где условия производства сходны. Вслед за «планом Шумана» на свет появились многочисленные проекты отраслевых объединений («пулов»): «план Пфлимлена», или «зеленый пул» (общий рынок сельскохозяйственных товаров), «голубой пул» (объединение энергетических систем), «план Бонфу» (объединение транспорта) и даже «белый пул» (производство медицинского оборудования, медикаментов и т. д.).

Эти «пулы» должны были, по замыслам французских монополий, включать экономику их страны в сферу более напряженной конкурентной борьбы по частям, начиная с тех отраслей, где ее позиции были прочными, — черной металлургии, транспорта, электроэнергетики. Франция получала тем самым дополнительные

рынки сбыта и сырье при сохранении протекционистской защиты наиболее уязвимых мест своей экономики. В то же время жесткий «наднациональный» аппарат на отраслевых рынках призван был под ширмой «антикартельного» законодательства свести к минимуму преимущества концернов Рура в уровне концентрации, централизации производства и капитала, согласовать программы капиталовложений и организовать приток средств со стороны, распределяемых через соответствующие «пулы».

Однако главной отличительной чертой «интеграции» стран «малой Европы» в 1950—1954 гг. был не отраслевой подход и даже не «наднациональный» характер, а теснейшая увязка экономических мероприятий с политическими и военными, которые с самого начала планировались и проводились одновременно.

Уверения Шумана в том, что экономический потенциал Рура будет служить только миру и сотрудничеству народов, были заведомым обманом. Факты не замедлили показать, что гигантский угольно-металлургический комплекс Рура и Лотарингии вновь превратился в кузницу оружия для самых реакционных сил Западной Европы. Влиятельный журнал «Эйропа-архив» откровенно признавал в июле 1950 г.: «Ясно, конечно, одно — франко-германское сотрудничество в области выплавки стали, особенно при распространении этого сотрудничества на другие европейские государства, служило бы идее координации и рационального использования ресурсов атлантического сообщества. В силу этого «план Шумана» органически входит в программу вооружения и обороны Запада». Под «обороной» подразумевались авантюристические планы заправил НАТО, готовивших войну против стран социализма.

Уже за два дня до официального провозглашения «плана Шумана», 7 мая 1950 г., главнокомандующий оккупационными войсками, а затем верховный комиссар США в Германии генерал Люшьес Клей выступил с речью в Нью-Йорке. Он откровенно потребовал перевооружения Западной Германии. Это вызвало протесты общественности западноевропейских стран — участниц НАТО, и прежде всего во Франции. Министр национальной обороны Рене Плевен вынужден был с наигранным возмущением опровергнуть слухи о согласии француз-

ского правительства с требованиями Клея. На деле Плевен лишь следовал старому циничному правилу буржуазной дипломатии, сформулированному еще князем Талейраном-Перигором: «Опровергайте только верные сообщения, ложные опровергнут сами себя».

В июне 1950 г. империалисты развязали военные действия в Корее. Правящие круги США не только организовали кровавую интервенцию, прикрываясь голубым флагом ООН, но и широко использовали корейские события для разжигания неслыханной антисоветской истерии, милитаристского психоза в НАТО. Под крики о мнимой «непосредственной угрозе вторжения красных в Западную Европу» они стремились взять в свои руки вожжи Североатлантического союза, взвалить на своих младших партнеров бремя гонки вооружений и принудить их к открытому согласию на ремилитаризацию ФРГ. Этот шантаж увенчался известным успехом. В сентябре 1950 г. очередная конференция НАТО в Вашингтоне подтвердила необходимость «вклада ФРГ» в военный потенциал Североатлантического союза.

Правящие круги Франции очутились в довольно затруднительном положении. Им нужно было после бесчисленных клятв о том, что перевооружение Западной Германии абсолютно исключено, сделать вашингтонские решения приемлемыми для общественности своей страны. С этой целью на возрождающийся вермахт во главе со вчерашними гитлеровскими генералами была спешно наклеена пестрая этикетка «объединенной Европы». В октябре 1950 г. Плевен выдвинул проект слияния вооруженных сил «шестерки» в единую «европейскую армию», подчиненную «европейскому» же министерству обороны.

После переговоров, тянувшихся больше года, был разработан проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), довольно близкого по своей структуре к Европейскому объединению угля и стали. Во главе ЕОС предполагалось поставить «над-национальный» комиссариат, при котором состояли бы парламентская ассамблея и совет министров из представителей правительств. В острых дискуссиях предложения Франции претерпели существенные изменения. Если по первоначальному проекту западногерманские части в «европейской армии» не могли превышать ба-

тальона, то позже их предельный масштаб разбух до дивизии. 27 мая 1952 г. в Париже главы правительств шести стран поставили свои визы под текстом, ожидавшим лишь ратификации парламентов.

Наконец с осени 1952 г. ассамблея ЕОУС, специально расширенная за счет парламентариев-«европеистов», приступила к разработке конституции так называемого Европейского политического сообщества (ЕПС), призванного стать связующим звеном между ЕОУС, прочими отраслевыми «пулами» и ЕОС, увенчав единой шапкой всю громоздкую пирамиду «малой Европы».

Описывая в книге «По часам своей колокольни» множество «пулов», созданных или задуманных монополиями «малой Европы» в 1950—1953 гг., швейцарский публицист Герберт Люти указывал: «Все это напоминало полный товарный состав на железной дороге, тоннаж которого внушал беспокойство. Но самым тяжелым и опасным грузом в ней, заставлявшим пыхтеть локомотив, была «европейская армия».

В борьбу за ратификацию договора о создании ЕОС были брошены колоссальные силы. Западная Европа еще не видела такой пропагандистской кампании. В ход были пущены все средства массированного воздействия на умы людей — печать, радио, телевидение, кино. Народам внушали, будто включение ФРГ в гонку вооружений уменьшит лежащее на плечах налогоплательщиков бремя, позволит другим участникам НАТО стабилизировать свои расшатанные финансы и проводить более «щедрую» социальную политику, а также успешнее сопротивляться конкуренции концернов Рура на внешних рынках. В то же время «наднациональный» аппарат ЕОС изображался как надежная узда для германского милитаризма, которая-де не позволит ему броситься в один прекрасный день на своих союзников или втянуть их в самоубийственную авантюру на Востоке.

«...Президент Трумэн и Дин Ачесон решили всеми силами поддержать европейскую партию во Франции и проект Европейского оборонительного сообщества», — отмечал обозреватель парижской реакционной газеты «Фигаро». Монополисты США давно симпатизировали «европейской идее», видя в «интеграции» оплот против лагеря социализма, преграду на пути демократических сил и ширму для возрождения милитаризма в ФРГ.

Объединение западноевропейских стран под черным знаменем антикоммунизма являлось одной из главных политических целей «плана Маршалла».

При этом США особенно упорно отстаивали «наднациональный», федеративный вариант «интеграции», видя в нем удобный инструмент для окончательной ликвидации суверенитета западноевропейских государств. Поскольку армия по самой природе своей служит орудием государственной политики, а «малая Европа» отнюдь не являлась единым государством, то авторы проекта «европейской армии» намеревались подчинить ее американскому главнокомандующему войсками НАТО в Западной Европе.

Однако в 1953—1954 гг. процесс «европейской интеграции» неожиданно для вашингтонских стратегов резко застыл.

Произошло это не случайно. Сказался существенный сдвиг в соотношении сил между двумя мировыми системами после создания в СССР атомного и водородного оружия. Это подрывало престиж США в глазах части западноевропейских правящих кругов. Отдавая себе отчет в рискованности агрессивных актов против стран социализма, они опасались чересчур тесно связывать свою судьбу с политикой Вашингтона. Среди общественности стран «шестерки» росло убеждение в том, что создание Европейского оборонительного сообщества с участием ФРГ может явиться провокацией в отношении СССР и повлечь за собой непредвиденные последствия.

Франция с ее дезорганизованными в колониальных войнах вооруженными силами и огромным бременем непроизводительных расходов все более уступала ФРГ первенство в «малой Европе». «Какая выгода в европейской армии, если господствовать в ней будут немцы? Зачем передавать национальный суверенитет политическому сообществу, в котором самым громким голосом будет голос Западной Германии?» — так резюмировал один из американских буржуазных авторов существенный поворот значительной части французской буржуазии в вопросе об отношении к «наднациональной интеграции» шести стран «малой Европы».

Оппозиция «наднациональному» характеру ЕОС расколола ряды господствующего класса Франции в тот самый момент, когда прогрессивные силы во главе с

компартией развернули активную кампанию против ремилитаризации Западной Германии. 30 августа 1954 г. договор о создании Европейского оборонительного сообщества был отвергнут французским парламентом (319 голосами против 264 при 12 воздержавшихся). Политика «наднациональной интеграции» потерпела первое фиаско из-за позиции той самой страны, которая еще совсем недавно претендовала на лавры ее главного инициатора.

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс» оценила провал ЕОС как «исключительно тяжелый удар по канцлеру Аденауэру, его политике слияния Германии с Западом и тем самым — по всей политике Соединенных Штатов в Европе». Но к концу 1954 г. американской дипломатии все же удалось добиться решения о перевооружении ФРГ путем образования самостоятельной западногерманской армии и включения ее в НАТО.

Роль активного посредника при подготовке Парижских соглашений, ставших юридической основой для ремилитаризации ФРГ, сыграла британская дипломатия, извлекая из архивов забытый Брюссельский пакт 1948 г. После удаления статей, формально упоминавших об опасности германского милитаризма, к пакту присоединились ФРГ и Италия, которые образовали вместе с Англией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом так называемый Западноевропейский союз (ЗЕС), чахлый филиал НАТО. Он впервые официально закреплял «постоянное присутствие» на континенте вооруженных сил Англии, которые вкупе с американскими войсками должны были служить якобы щитом от реваншистских поползновений ФРГ и гарантией отказа последней от определенных видов оружия (атомного, химического, бактериологического, подводных лодок и т. д.). Позднее многие из этих обязательств были грубо нарушены.

Несмотря на ратификацию Парижских соглашений, банкротство ЕОС оказалось весьма болезненным для «европейской идеи». Многочисленные проекты отраслевых «пулов» лопнули один за другим. Широковещательный проект конституции Европейского политического сообщества, разработанный в 1952—1953 гг. специальной парламентской ассамблеей, так и остался на

бумаге. Единственное отраслевое объединение, которое со скрипом все же начало функционировать,— это Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), учрежденное на основе «плана Шумана». Однако и оно пережило серьезное потрясение. Перегруженный до предела товарный состав «малой Европы» явно затормозил ход.

Экономика и политика «общего рынка»

Анализируя причины бесславного крушения ЕОС, повлекшего за собой острый кризис всей политики «интеграции», наиболее рьяные ее защитники пришли к выводу, что слишком поторопились и поставили, по известному французскому выражению, «плуг впереди быков». Рассчитывая ускорить перевооружение ФРГ под ширмой ЕОС, они лишь оттянули его и нанесли серьезный ущерб престижу «европейской идеи» в глазах общественности своих стран.

Поэтому «европеисты», которые вовсе не отказались от своих замыслов, решили временно изменить тактику. Сделав упор на экономическую сторону «интеграции», они всячески стали затушевывать ее связь с политическими и особенно военными вопросами, чтобы вернуться к ним после обеспечения достаточно прочной материальной базы.

По инициативе стран Бенилюкса в итальянском городе Мессине встретились 1—2 июня 1955 г. министры иностранных дел шести стран «малой Европы». В заключительном коммюнике они заявили о своей решимости «продолжать создание объединенной Европы путем развития общих институтов, постепенного слияния национальной экономики отдельных государств, образования общего рынка и постепенного выравнивания социальной политики». Срочный ремонт потерпевшей аварию «европейской идеи» должен был начаться с организации «общего рынка» и объединения атомной промышленности стран-участниц.

Разработкой конкретных предложений занялся специальный комитет экспертов во главе с бельгийским министром иностранных дел Поль-Анри Спааком. 21 апреля 1956 г. он представил свои рекомендации, которые месяцем позже были в основном одобрены в Венеции

очередной конференцией шести министров иностранных дел. 25 марта следующего года в Риме состоялась торжественная церемония подписания двух договоров — об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии («Евратом») и «общем рынке». Наученные печальным опытом ЕОС, «европеисты» на сей раз торопились. Оба договора были спешно проштампованы парламентами шести стран. С 1 января 1959 г. они начали проводиться в жизнь.

Столь пожарные темпы объяснялись рядом причин, которые заставили монополии «шестерки» временно отодвинуть на задний план свои противоречия, обнажившиеся во время предварительных переговоров и не раз грозившие сорвать их.

Главной из этих причин было дальнейшее изменение в соотношении сил между двумя мировыми системами в пользу социализма. Замечательные успехи советской экономики и науки, ярким свидетельством которых явился, в частности, запуск 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли, вызвали панику в стане империалистов. Они были вынуждены коренным образом пересмотреть свои прежние представления о возможностях социалистического хозяйства. Председатель Федерального союза немецкой промышленности Фриц Берг без обиняков заявлял в интервью журналу «Оксидан»: «Развитие западной экономики до настоящего времени не кажется мне достаточным, чтобы принять вызов, который представляет собой экономическое развитие СССР. Военный союз между западными странами должен быть дополнен экономическим сотрудничеством. Только в таком случае они будут в состоянии уверенно встретить экономическое наступление, от которого Хрущев ожидает, согласно его речи на XXI съезде партии, победы коммунизма».

Тревога представителей монополистического капитала не была напрасной. Если раньше СССР опережал США главным образом по темпам роста своего народного хозяйства, то с середины 50-х годов начал заметно сокращаться и абсолютный разрыв между ними. Более того, по ряду ключевых показателей, которые играют решающую роль в науке и технике завтрашнего дня, Советский Союз уже оставил Соединенные Штаты позади.

Между тем научно-технический переворот, начавшийся в мире на пороге второй половины XX столетия, резко обострил на Западе непримиримый конфликт между производительными силами, властно диктующими переход к социализму, и отжившими производственными отношениями, основанными на частной собственности на средства производства. Это противоречие нашло выражение в проблеме рынка. Быстро возрастал разрыв между возможностями капиталистического производства и ограниченным платежеспособным спросом трудящихся. В западноевропейских странах с их сравнительно небольшой территорией и развитой промышленностью это противоречие сказалось особенно чувствительно после второй мировой войны. Империалисты утратили прежнюю возможность эксплуатировать в качестве своих аграрно-сырьевых придатков государства Восточной Европы, ставшие на путь социализма, а отчасти и бывшие колонии, которые завоевали политическую и борются за экономическую независимость.

Империалистическая «интеграция» была попыткой смягчить неразрешимые противоречия капиталистического способа производства путем слома узких рамок одной страны и создания более широкого хозяйственного пространства в масштабах целого блока или комплекса государств. Таким путем монополии рассчитывали наладить международную специализацию производства и разделение труда, организовать общими средствами крупносерийное производство в новых дорогостоящих отраслях, снизить себестоимость продукции и увеличить ее конкурентоспособность на рынках третьих стран.

Сдвиг в соотношении сил двух систем сказался не только в экономической, но и в военной области. Создание в Советском Союзе межконтинентальных и глобальных баллистических ракет окончательно расстроило стратегические планы американских империалистов и их западноевропейских союзников.

Рост могущества социалистического лагеря вдохнул новые надежды в сердца сотен миллионов людей в колониальных и зависимых странах, поднявшихся под влиянием великих идей Октября на решительный бой против позорной системы колониализма. Серия острых

политических кризисов на Ближнем Востоке (провал англо-франко-израильской агрессии против Египта, безрезультатность попыток задушить национально-освободительные революции в Ираке, Сирии и т. д.) показала, что эпоха «дипломатии канонерок» навсегда ушла в прошлое. Мощь мирового социалистического содружества отныне в состоянии оказывать отрезвляющее воздействие на горячие головы империалистических интервентов.

В апреле 1955 г. в индонезийском городе Бандунге состоялась историческая конференция, ставшая символом братской солидарности народов афро-азиатских стран в борьбе против общего врага — колонизаторов. После нее распад британской, французской, голландской, бельгийской и прочих колониальных империй происходил более бурными темпами.

Сужение сферы господства империализма неизбежно обостряло империалистические противоречия, которые раньше на какой-то отрезок времени разрешались мировыми войнами. Раздел мира между империалистами, характерный для первой половины XX в., все чаще ставился под вопрос. Вместе с тем войны за передел рынков, источников сырья, сфер приложения капитала становились все более рискованными, опасными для монополий в условиях существования могучего социалистического содружества. Отсюда попытки империалистов найти в «интеграции» новые, «мирные» формы дележа монопольных прибылей в соответствии с постоянно меняющимся соотношением сил «национальных» группировок финансовой олигархии.

Многие влиятельные буржуазные экономисты и политики настойчиво указывали на необходимость подвести под громоздкую военную машину НАТО более устойчивый экономический фундамент. Его краеугольным камнем должна была стать «европейская интеграция».

Наконец, «интеграция» была призвана сыграть немаловажную роль и как орудие реакции на идеологическом фронте. В этой связи очень красноречива статья французского ученого Даниэля Виллея, опубликованная журналом «Ревю д'экономии политик». Признавая, что политические и моральные устои буржуазного общества не имеют более притягательной силы для трудя-

щихся Западной Европы, Виллей пишет: «Для того, чтобы вновь вдохнуть энтузиазм в наши разочарованные сердца, надо расширить рамки наших государств. В частности, молодежь может вновь обрести интерес к общественным делам только в том случае, если ей предложат задачу, отвечающую своими масштабами как ее честолубию, так и требованиям реализма. Если этой задачей не станет Европа, то ею окажется только коммунизм».

Полтора десятилетия «холодной войны» изрядно потрепали ветхое пугало антикоммунизма, служившего основным прикрытием для гонки вооружений и преследования прогрессивных сил в странах НАТО. Когда Коммунистическая партия Советского Союза сформулировала величественную программу созидания коммунистического общества, идеологи обреченной капиталистической системы начали лихорадочно искать в дополнение к антикоммунизму видимость «конструктивного ответа», который можно было противопоставить могучему революционизирующему влиянию марксистско-ленинских идей. Одним из результатов таких поисков и явился лозунг «интеграции», решающая проба которого происходила в Западной Европе.

В отличие от первоначальной схемы объединения экономики шести стран «малой Европы» по отдельным отраслям Римские соглашения 1957 г. предусматривали постепенную, в течение 12—15 лет, ликвидацию таможенных, количественных и прочих ограничений для движения товаров, капиталов и рабочей силы для всех отраслей сразу. Параллельно с отменой ограничений внутри Европейского экономического сообщества вокруг него возводилась стена единого внешнего тарифа против товаров государств, не входящих в «шестерку». Особые отраслевые аппараты сохранялись лишь для ЕОУС и «Евратома».

Изменение методов «интеграции» в 1954—1957 гг. было вызвано и структурными сдвигами в экономике стран «малой Европы». План ликвидации таможенных тарифов внутри «шестерки» был выдвинут еще в 1952 г. тогдашним министром иностранных дел Голландии ван Бееном и передан на рассмотрение экспертов. Но он натолкнулся на резкие возражения французских дипломатов и был положен под сукно после краха Европей-

ского оборонительного сообщества. Монополии Франции в то время опасались усиления иностранной конкуренции на своем внутреннем рынке и упорно цеплялись за проекты отраслевого объединения.

Четыре года спустя эти опасения явно ослабели. Быстрый распад колониальной империи Франции вызвал массовое изъятие частных капиталов из «ненадежных» заморских владений. Их вкладывали в наиболее перспективные отрасли промышленности, переживавшей фазу циклического подъема (электротехника, электроника, химия, машиностроение). Это способствовало обновлению оборудования, усилению концентрации и централизации производства (при активной помощи государства). На данной основе расширилось сращивание и переплетение французского финансового капитала с западногерманским, а отчасти с итальянским, бельгийским, голландским и т. д.

Римские соглашения предусматривали, что руководящими органами ЕЭС являются комиссия, совет, ассамблея и суд, при которых состоят консультативные комитеты — социально-экономический и валютный. Комиссия считается главным исполнительным органом «общего рынка», имеющим право принимать решения, обязательные для стран-участниц, отдельных компаний и лиц. Она призвана разрабатывать вопросы, относящиеся к единому внешнему тарифу в торговле «шестерки» с другими странами, вести переговоры с ними, готовить мероприятия по проведению согласованной экономической политики. Комиссия насчитывает 9 человек, назначенных правительствами «шестерки» на четыре года, причем в ней не может быть больше двух граждан одного и того же государства. Члены комиссии должны действовать только от имени сообщества и не консультироваться со своими правительствами при принятии директив и постановлений, которые одобряются простым большинством голосов и имеют обязательную силу в странах ЕЭС. Под началом комиссии находится аппарат, насчитывающий более 2 тыс. высокооплачиваемых чиновников-специалистов и разбитый на соответствующие генеральные директораты (нечто вроде министерств) — внешних сношений, внутреннего рынка, экономики и финансов, транспорта, сельского хозяйства и т. д.

Если комиссия олицетворяет «наднациональную» сторону механизма «общего рынка», то высшим органом по выработке политики ЕЭС является совет, призванный обеспечить координацию экономической политики отдельных государств. На первых порах он сохранял в основном межправительственный характер и состоял из шести министров (по одному от каждой страны). Они председательствовали поочередно. В зависимости от важности обсуждавшихся вопросов решения совета могли выноситься либо единогласно, либо большинством — простым и квалифицированным. Квалифицированное большинство требовало не менее 12 голосов (Франция и ФРГ имели по 4 голоса, Бельгия и Голландия — по 2, Люксембург — 1). Для решений, принимаемых советом по собственной инициативе, а не по рекомендации комиссии, эти 12 голосов должны были подать представители не менее 4 стран.

Ассамблея является декоративным учреждением, создающим видимость общественного контроля над деятельностью сообщества. Она включает 142 депутата парламентов (по 36 от Франции, Италии и ФРГ, по 14 — от Бельгии и Голландии, 6 — от Люксембурга). Ассамблея собирается ежегодно весной в Страсбурге, обсуждает отчеты комиссии, избирает председателя бюро и принимает большинством голосов всевозможные рекомендации, которые серьезного значения не имеют, так как носят характер простых пожеланий. Право ассамблеи вынести двумя третями голосов решение о вотуме недоверия комиссии, принудив ее уйти в отставку, не применялось и, по единодушному мнению специалистов, является формальным.

Суд служит арбитром при спорах между странами — участницами ЕЭС в вопросах о выполнении обязательств, вытекающих из Римских соглашений, при толковании их текстов, разбирает жалобы и т. д. Судьи назначаются правительствами шести государств по общему согласию; они вырабатывают правила процедуры, утверждаемые советом.

Социально-экономический комитет имеет еще меньше прав. Он состоит из 101 представителя различных профессиональных организаций, ассоциаций промышленников, торговцев, ремесленников, землевладельцев.

Зачем понадобился столь громоздкий, дорогостоя-

щий бюрократический аппарат, если речь шла о простом таможенном союзе?

Дело в том, что «общий рынок» с самого начала был задуман не только как таможенный, но и как широкий экономический и политический альянс. Крах региональных таможенных блоков в 1948—1949 гг., плачевные результаты деятельности Бенилюкса показали, что в условиях современного государственно-монополистического капитализма возврат к принципам фритреда (свободы торговли), характерным для капитализма эпохи свободной конкуренции, невозможен.

Сращивание монополий с аппаратом буржуазного государства вело к использованию его крупным капиталом для безраздельного контроля над внутренним рынком и завоевания внешних рынков. Поэтому мировой, и в частности западноевропейский, капиталистический рынок оказался разделенным бесчисленными таможенными перегородками, ограничительными барьерами, расчлененным на замкнутые валютно-финансовые зоны. Простая ликвидация этих барьеров исключалась, ибо в каждой стране условия конкуренции различны. Они зависят не столько от природных условий или уровня экономического развития, сколько от сложного комплекса налоговых систем, социального законодательства и т. д.

Совершенно ясно, что без приведения к общему знаменателю финансово-экономической политики всех участниц ЕЭС образование «общего рынка» немыслимо. Оно требует более широкого вторжения в сферу государственной политики каждой страны-участницы — сначала экономической, а затем внешней, внутренней политики. Римские соглашения предусматривают, что по мере снижения таможенных тарифов и отмены количественных ограничений в импорте будет вырабатываться общая политика в торговле с третьими странами, в области сельского хозяйства и транспорта, а также правила согласования экономических задач «шестерки». Целями такой политики провозглашались создание «условий для нормальной конкуренции» внутри ЕЭС и сближение законодательства стран-участниц.

Эти задачи и призван решать огромный механизм ЕЭС, срастающийся с аппаратом Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и Европейского сообще-

ства по атомной энергии («Евратом»). В настоящее время ассамблея и суд уже являются общими для всех трех организаций, а социально-экономический комитет — для ЕЭС и «Евратома».

Помимо чиновничьего аппарата ЕЭС располагает довольно внушительными финансово-экономическими рычагами в виде Европейского инвестиционного банка, Европейского социального фонда и фонда развития заморских территорий. Инвестиционный банк учрежден для кредитования программ развития отсталых районов (например, южной части Италии), а также для модернизации и строительства новых предприятий. Социальный фонд должен покрывать из бюджета ЕЭС половину расходов стран-участниц на пособия по безработице, на перемещение и переквалификацию рабочей силы, вызванных действием «общего рынка». Наконец, задачей фонда заморских территорий является так называемая «помощь» примкнувшим к ЕЭС слабо-развитым странам — в основном бывшим колониальным владениям держав «малой Европы». Эта «помощь» сводится в основном к финансированию «инфраструктуры» — строительства дорог, мостов, портов, аэродромов, необходимых бывшим колониальным державам в военно-стратегических целях и для вывоза сырьевых богатств.

Таким образом, «общий рынок» нельзя считать просто маневром дипломатии США или отдельных стран Западной Европы. Он представляет собой проявление объективных экономических закономерностей развития капитализма на третьем этапе его общего кризиса. Однако ни одно явление в экономике империализма нельзя отделять от процессов, происходящих в его политической надстройке, и тем более противопоставлять одно другому сейчас, когда капитализм в Западной Европе окончательно перерос в государственно-монополистический.

«Политика,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть концентрированное выражение экономики...» Справедливость этого ленинского положения полностью подтверждает анализ структуры, целей и первых итогов деятельности Европейского экономического сообщества.

Председатель комиссии ЕЭС Вальтер Хальштейн (в прошлом статс-секретарь министерства иностранных

дел ФРГ) заявил на сессии парламентской ассамблеи трех сообществ 19 марта 1958 г.: «Многие говорят, что политический характер нашей деятельности определяется высшей целью, к которой мы стремимся,— созданием Европейского политического сообщества, где чисто политические прерогативы государств также будут объединены. Хотя это мнение не является ошибочным, оно все же неполно. В действительности, наше экономическое сообщество уже имеет ярко выраженные политические черты. Это со всей очевидностью вытекает из всех статей конституционного характера. Я понимаю под ними те, которые передают сообществу власть, осуществлявшуюся прежде государствами, и которые описывают институты, облачаемые подобной властью. Мы не должны забывать, что Римские соглашения предусматривают главным образом слияние не «экономики» наших государств — то есть всего комплекса решений и деятельности промышленников, рабочих, банкиров, торговцев и потребителей,— а экономической политики участвующих стран».

Политический аспект «европейской интеграции» является определяющей стороной деятельности ЕЭС как в классовой борьбе внутри каждой из стран «шестерки», так и на международной арене. С каждым новым шагом по пути реализации Римских соглашений значение этого политического аспекта неуклонно возрастает.

От сотрудничества к противоречиям

В политике мирового империализма, следовательно и «общего рынка», всегда присутствуют две тенденции. Одна из них, центристская, направлена к сплочению сил финансовой олигархии вне национальных границ во имя совместной борьбы против главного противника монополий — трудящихся во главе с рабочим классом. Другая, центробежная, сталкивает отдельные группировки монополий, империалистические державы и блоки в беспощадной драке за рынки, сырье, сферы приложения капитала, политическую гегемонию.

Первая из этих тенденций сказалась прежде всего во внутренней политике стран «малой Европы». В силу ряда исторических и экономических причин трудя-

щиеся отдельных стран добились разных результатов в борьбе за свои права, против натиска финансового капитала. Например, социальное законодательство во Франции, принятое в годы Народного фронта и в период участия коммунистов в правительстве (1944—1947 гг.), более прогрессивно, чем в ФРГ, где компартия вынуждена работать в подполье. Уровень реальной заработной платы в Италии, в которой налицо хроническая массовая безработица, ниже, чем в любой другой стране «шестерки».

Смысл статей Римского договора о «гармонизации» (согласовании условий конкурентной борьбы в странах «общего рынка») сводился к тому, чтобы добиться выравнивания социального законодательства и заработной платы по низшему уровню, а производительности и интенсивности труда — по высшему. Предприниматели хотели поставить рабочих и служащих, вырвавших ценой упорной забастовочной борьбы сравнительно благоприятные условия оплаты труда, перед выбором: либо отказ от требований повысить зарплату, согласие на урезывание социального законодательства при увеличении выработки, либо наплыв товаров иностранных конкурентов с более низкими издержками производства. А это означает закрытие предприятий и безработицу. Шантаж подкрепляли статьи «о свободе передвижения рабочей силы» в пределах ЕЭС, что означало возможность притока согласных на нищенскую оплату безработных из других стран. Замораживание заработной платы провозглашено генеральной линией политики «шестерки» (грабительский «единый закон» 1960 г. в Бельгии, директивное письмо бывшего премьера Дебрэ Национальному совету французских предпринимателей в 1961 г. о «потолке» повышения зарплаты и т. д.).

Одновременно жупел иностранной конкуренции служит предлогом для отмены государственных мер в пользу крестьянства, городских средних слоев (налоговые льготы, гарантированные цены и т. д.) и увеличения многомиллиардных «подарков» монополиям из государственных бюджетов. Разорение мелкой буржуазии в «малой Европе», концентрация, централизация производства и капитала после вступления в силу Римских соглашений резко ускорились. Так, во Франции за че-

тыре года закрылось 20 % небольших текстильных фабрик, количество мелких торговых предприятий уменьшилось на 27 %. В ФРГ число ремесленных предприятий в 1957—1960 гг. уменьшилось более чем на 20 тыс. В Италии за последние пять лет сельскохозяйственное производство покинули около полумиллиона крестьян. Зато чистая прибыль 35 крупнейших монополий-гигантов в странах «общего рынка» за то же время выросла в 2,7 раза.

Параллельно с подготовкой благоприятных условий для атаки на социальные права и экономические интересы трудящихся «общий рынок» призван был способствовать ликвидации демократических свобод, замене буржуазно-парламентских режимов авторитарными диктатурами, чтобы парализовать сопротивление народов произволу финансовой олигархии.

Становым хребтом «интеграции» стал союз клерикально-милитаристской диктатуры Аденауэра с режимом личной власти генерала де Голля, к которому тяготеют последыши фашизма на Пиренейском полуострове — Франко в Испании, Салазар в Португалии, реакционный режим в Греции (уже присоединившейся на известных условиях к ЕЭС) и т. д. В 1960 г. крайне правое крыло демохристианской партии пыталось добиться открытой фашизации режима в Италии.

«Европейская интеграция» все шире используется монополиями для сплочения основных буржуазных и реформистских партий Западной Европы, чтобы противопоставить интернациональной солидарности трудящихся единый фронт политических организаций господствующего класса. Уже в октябре 1955 г. бывший председатель Верховного органа ЕОУС Жан Моннэ сколотил так называемый «Комитет действия за Соединенные Штаты Европы», в который вступили представители самых различных партий шести стран, как правительственных, так и формально оппозиционных. «Комитет Моннэ» содействовал разработке Римских соглашений и протаскиванию их через парламенты соответствующих государств. В настоящее время механизм ЕЭС, в частности его псевдопарламентский придаток («европейский парламент» в Страсбурге), служит центром координации политики всех реакционных элементов в Западной Европе. Аналогичную роль играют западно-

европейские филиалы таких организаций, как Международный союз христианских демократов («Новые международные группы»), Социалистический интернационал, Либеральный интернационал и т. д.

Наибольшую активность среди выступающих в защиту «общего рынка» проявляют клерикалы. Чувствуя, что религиозные узы не могут сохранить внутреннее и международное единство клерикальных партий с крайне пестрой классовой базой, их лидеры используют «европеизм», чтобы скрепить ряды клерикалов в борьбе против коммунистического и рабочего движения.

Сторонниками «европейской интеграции» являются также правые социалисты. Мошеннически приравнивая «европейскую идею» к принципу пролетарского интернационализма, изображая ее шагом на пути к «постепенному преобразованию» капиталистического общества в социалистическое, реформисты пытаются оправдать поддержкой «интеграции» свой отказ от борьбы за социализм, раскол рядов рабочего класса, союз с буржуазными партиями. Лидеры социал-реформистских группировок Франции и Италии стремятся укрепить свои позиции союзом с более мощными соглашательскими партиями ФРГ, Великобритании, скандинавских стран. Поэтому правые социалисты особенно настойчиво требовали расширения «общего рынка» за пределы «малой Европы».

Наконец, верхушка «классических» буржуазных партий (либералов, радикалов и т. д.) прикрывает фразами о мнимом возврате к свободной торговле и свободной конкуренции на «общем рынке» свое стремление предотвратить или упразднить национализацию некоторых отраслей промышленности, урезать социальные завоевания трудящихся, пересмотреть в пользу монополий налоговую систему и т. д.

«Европейская идея» призвана замазать традиционные конфликты в правящем лагере между клерикалами и антиклерикалами, консерваторами и реформистами, облегчив тем самым подчинение этих политических течений диктату финансового капитала. Об этом открыто пишет французский реакционный экономист Жак Рэфф. Он подчеркивает, что «общий рынок» должен «поставить по-новому во всех странах Запада проблемы внутренней политики».

Прямым продолжением реакционной внутренней политики «интегрированной» Западной Европы является ее агрессивная внешняя политика. Она имеет целью создать единый фронт западноевропейских государств против мировой системы социализма, подготовить их совместные акции на международной арене, согласовать тактику и стратегию по наиболее острым вопросам. Среди таких акций важное место занимает дискриминация, ущемление внешней торговли социалистических стран (в надежде вызвать хозяйственные трудности), вбить клин в братское содружество народов, строящих социализм, отколоть их от СССР, привязать к капиталистическому рынку, чтобы постепенно добиться реставрации на востоке Европы буржуазного строя.

Создание ЕЭС послужило, далее, сигналом к очередному подкопу под нейтралитет Швейцарии, Швеции, Австрии и других стран. Министр иностранных дел Бельгии Поль-Анри Спаак в публичном выступлении 10 января 1962 г. без всяких обиняков предупредил подавшие заявления об «ассоциации» с ЕЭС государства, что их участие в «общем рынке» не будет ограничиваться лишь экономическими обязательствами. Речь шла о недвусмысленной политической солидарности с «шестеркой», иными словами, о косвенном вовлечении в орбиту НАТО.

Одной из главных политических задач «общего рынка» является изоляция экономически слаборазвитых стран от лагеря социализма, закрепление в них феодальной или буржуазной структуры общества, препятствующей переходу на некапиталистический путь развития, превращение молодых государств Азии и Африки в пешки на шахматной доске колонизаторов. Империалисты «малой Европы» всячески пытаются противопоставить освободившиеся страны друг другу, расколоть их на враждующие группировки. Для этого они предлагают ассоциированным с «общим рынком» государствам Африки преимущественные условия сбыта сельскохозяйственных продуктов, ущемляя тем самым интересы стран Азии, Латинской Америки, а также прочих африканских стран.

Однако эти «привилегии» весьма сомнительное благодеяние. В обмен монополии «шестерки» оговаривают себе права беспощадного ввоза своих промышленных

товаров, чтобы задушить находящуюся в зародышевом состоянии промышленность африканских государств, накрепко привязать их узами экономической зависимости к бывшим колонизаторам. Они требуют также гарантировать от национализации имущество колониальных трестов, дать им возможность беспрепятственно вывозить прибыли и т. д. Иными словами, речь идет о коллективном неокOLONIALИЗме под вывеской так называемой «Евразии». «...Общий рынок может стать отправной точкой совместных действий европейских промышленников для освоения африканских территорий, присоединившихся к Сообществу», — заявил председатель Национального совета французских предпринимателей Жорж Вилье.

Провоцируя конфликты между слаборазвитыми странами, империалисты пытаются несколько сгладить давнее соперничество в собственных рядах по колониальным проблемам. «Интеграция» имеет цель поставить формально на равную ногу как недавних хозяев заморских владений (Англию, Францию, Бельгию, Голландию), так и державы, давно лишившиеся колоний (ФРГ, Италию).

Первые пять лет, прошедшие со дня вступления в силу Римских соглашений (1958—1962 гг.), показали, что «общий рынок» стал экономической и политической реальностью. В мае 1960 г. совет министров ЕЭС принял решение ускорить реализацию Римского договора. Все количественные ограничения в торговле между странами ЕЭС должны были быть отменены к 1 января 1962 г., таможенные пошлины — к 1966 г., и тогда же предполагалось завершить создание единого внешнего тарифа в торговле с остальными странами (соответственно на 8 лет и на 4 года ранее намеченного срока). По сравнению с 1957 г. тарифы на «общем рынке» снизились в январе 1962 г. на 50% на промышленные товары и на 30—35% — на сельскохозяйственные.

Одновременно сделаны первые шаги к восстановлению обратимости валют, отмене ограничений в передвижении рабочей силы и капиталов. Организованы филиалы предприятий одних стран на территории других, выработаны меры по согласованию транспортной политики, регулированию рынка сельскохозяйственных продуктов.

Темпы роста экономики и особенно торговли в ЕЭС оказались за последние годы в 1,5—2 раза выше, чем по капиталистическому миру в целом (но значительно уступали темпам стран социализма). Промышленное производство «шестерки» увеличилось в 1957—1961 гг. на 30 %, а экспорт — на 50 %. Страны «общего рынка», которые сосредоточивают около одной пятой промышленного производства капиталистического мира, стали новым «центром силы» наряду с американским империализмом.

Относительно высокие темпы роста экономики стран ЕЭС были вызваны отнюдь не только и не столько «интеграцией». Наоборот, эти темпы, наблюдавшиеся у «шестерки» задолго до подписания Римских соглашений, в значительной мере сами вызвали к жизни «общий рынок». «До сих пор быстрый рост экономики играл, вероятно, большую роль в развитии торговли, чем меры по экономической интеграции», — признает 8-й ежегодный доклад организации «Генерального соглашения по тарифам и торговле». В основе этих темпов лежали временные, преходящие факторы — необходимость коренного обновления основного капитала индустрии после разрушений второй мировой войны, полученные по «плану Маршалла» американские средства, возможность провести реконструкцию на передовой технической основе, обилие дешевой рабочей силы (миллионы переселенцев в ФРГ, безработных в Италии), отсутствие до 1955 г. или сравнительно невысокий уровень военных расходов в Западной Германии, Италии и т. д.

С окончанием первого четырехлетнего этапа действия Римских соглашений (истекшего 31 декабря 1961 г.) влияние этих факторов явно выдохлось, что сразу же сказалось на темпах роста промышленного производства. Следствием этого было обострение противоречий на «общем рынке», опрокинувшее утверждения его апологетов о том, будто «интеграция» станет ключом к созданию принципиально нового, «гармонического» и бесконфликтного капитализма. Выход за национальные рамки не только не смягчил непримиримые противоречия капиталистического способа производства, а, напротив, привел к «расширенному воспроизводству» этих противоречий в более крупных масштабах. Классовые,

социальные, межгосударственные, национальные конфликты сплелись в один запутанный клубок.

Эти противоречия вылились в классовые бои беспрецедентного размаха внутри каждой из стран «шестерки». Атака монополий на жизненный уровень рабочего класса и его социальные завоевания породила могучую забастовочную волну. Крестьяне, батраки, издольщики сооружали баррикады на шоссе на дорогах, бойкотировали городские рынки, громили помещения местной администрации (например, во Франции в 1960—1961 гг.).

Непосредственные столкновения народных масс с аппаратом империалистического государства, неразрывно сросшегося с монополиями, все чаще придавали забастовкам политический характер. Борьба за экономические требования перерастала в борьбу за подлинную демократию, против авторитарных и неофашистских поползновений наиболее реакционных элементов в правящей верхушке стран — участниц «общего рынка». Достаточно вспомнить героическую всеобщую стачку в Бельгии против «единого закона» правительства Эйкенса, свержение крайне правого кабинета Тамброни в Италии, всеобщие стачки и манифестации против попыток фашистского путча и террора банд ОАС во Франции и т. д. В таких условиях предпринимателям приходилось идти на тактические уступки, кое-где повышать заработную плату, выровнять которую по низшему уровню явно не удалось.

«Шестерка» терпит неудачи и в Африке. Молодые государства, которые постепенно осознают неокOLONиалистскую сущность «общего рынка», все решительнее протестуют против навязываемых им кабальных условий «ассоциации» с ЕЭС.

Самая обычная область проявления империалистических противоречий — грызня за рынки сбыта, сырье, сферы приложения капитала. Рост экспорта в странах ЕЭС происходил главным образом в результате увеличения вывоза на «общий рынок». Между тем каждая из них предлагает своим партнерам одни и те же товары — продукцию машиностроительной, электротехнической, химической промышленности, автомобили, текстиль и т. д. Несмотря на создание множества картелей для раздела рынков и закрепление за отдельными фирмами

права на выпуск тех или иных товаров, специализация вызывает резкие стычки между партнерами, уладить которые по мере увеличения экономических трудностей становится все сложнее.

Ухудшение сбытовых возможностей на «общем рынке» усиливает позиции тех группировок, которых не удовлетворяют его узкие рамки. Они выступают против дискриминационной торговой политики в отношении социалистического лагеря, слаборазвитых стран Азии, Латинской Америки и капиталистических государств, оставшихся за бортом ЕЭС.

«Сейчас уже мало кто принимает всерьез истеричные призывы задержать развитие социалистической системы новым изданием экономической блокады, торговыми барьерами и ограничениями. Такого рода шаги оборачиваются теперь против самих империалистов. У самих тузов империализма подточена уверенность в победе», — говорил Л. Ф. Ильичев в докладе на июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Как отмечалось выше, государственно-монополистические тенденции в странах «шестерки» послужили материальной базой «европейской интеграции». Но если государственно-монополистический капитализм в одних условиях увеличивает шансы полюбовной договоренности между финансовой олигархией группы стран, то в менее благоприятных условиях (например, в случае кризиса) он еще больше обостряет конфликты между группировками монополий. Столкновения трестов-гигантов выливаются, в частности, в глухую грызню представителей правительств внутри аппарата ЕЭС, подрывающую устои «малой Европы». ЕЭС играет роль огромного резонатора, в котором любое столкновение участников по конкретным экономическим вопросам приобретает широкий отклик, влечет за собой все новые политические противоречия. А эти разногласия оказывают обратное воздействие на экономическую борьбу, которая становится все упорнее. Острые конфликты возникли при выработке единой сельскохозяйственной, топливно-энергетической, налоговой политики, общей линии «шестерки» в переговорах об «ассоциации» со слаборазвитыми странами и т. д.

Так, в области сельского хозяйства особенно резко столкнулись два основных участника ЕЭС — Франция

и ФРГ. В свое время Париж принял Римский договор при условии расширения сбыта на «общем рынке» сельскохозяйственных продуктов из Франции. Однако обещания увеличить ввоз французского зерна или мясопродуктов оказались пустым звуком. Концерны Рура, извлекавшие немалые выгоды от снижения таможенных тарифов, увеличили экспорт промышленных товаров, но упорно отказывались покупать сельскохозяйственную продукцию Франции. Объяснялось это не только ее сравнительной дороговизной, но главным образом нежеланием западногерманских монополий портить отношения с рядом стран, не входящих в «общий рынок» (Канада, Новая Зеландия, Австралия, Дания и т. д.). Продавая ФРГ продовольствие и сырье, эти государства покупали на вырученные деньги западногерманские машины, станки, оборудование.

Между тем сельское хозяйство Франции, столкнувшееся с конкуренцией голландских и итальянских экспортеров, переживало острый кризис. Брюссельская конференция министров иностранных дел шести стран по вопросам сельского хозяйства (конец 1961 — начало 1962 г.) длилась 23 дня. Было проведено 45 заседаний (в общей сложности потрачено 200 часов), а на обсуждение представлены документы на 582 тыс. страниц. Делегации брали друг друга измором, заседаая день и ночь. Это вызвало среди участников несколько обмороков и сердечных приступов.

Лишь после жестокого торга западногерманские представители пошли на уступки. Они согласились ликвидировать с июня 1962 г. таможенные барьеры в торговле сельскохозяйственной продукцией на «общем рынке» и создать для выравнивания цен на нее особую кассу за счет взносов всех стран-участниц (но выговорили себе право временно приостанавливать ввоз отдельных продуктов).

Прочность данного компромисса вызывает серьезные сомнения. «Согласие по формулировкам нередко продолжает скрывать расхождения по существу дела», — уныло отмечает французская финансовая газета «Ви франсэз». Если условия сбыта мяса, молочных продуктов, сахара кое-как согласованы, то более важный и сложный вопрос о единых ценах на зерновые остался открытым.

Выработка единой энергетической политики была затруднена тяжелым кризисом на рынке угля «малой Европы» под влиянием конкуренции жидкого топлива. Этот кризис в значительной мере парализовал деятельность ЕОУС и вызвал ожесточенную борьбу между ФРГ, заинтересованной в сбыте рурского угля, Францией, которая пытается расширить продажу сахарской нефти, а также Италией, покупающей нефть за границей.

Участники ЕЭС прибегают в конкурентной борьбе к таким «запрещенным приемам», как замаскированное субсидирование своих экспортных отраслей, ущемление соперников дискриминационными транспортными условиями и т. д.

Подобные конфликты обычно разрешаются за счет «аутсайдеров» — стран, не входящих в Европейское экономическое сообщество, в особенности Англии и США. Те же пытаются парировать угрозу своим торговым интересам требованиями распространить снижение таможенных тарифов «шестерки» на весь капиталистический мир, учреждением филиалов собственных предприятий на «общем рынке», чтобы завоевать его изнутри, в обход внешнего тарифа, и т. д. Таким образом, «европейская интеграция» не ликвидировала, а, напротив, усилила центробежную тенденцию в лагере империализма.

Судьбы «плана Фуше»

Наибольшей остроты эти противоречия достигли в вопросе распространения «интеграции» на внешнюю политику.

Переход от экономики к военно-политической надстройке уже вызвал однажды (в 1953—1954 гг.) глубокий кризис «малой Европы», который едва не привел ее к полному крушению. Наученные горьким опытом вдохновители «европейской идеи» рассчитывали избежать в будущем повторения событий, подобных краху «Европейского оборонительного сообщества», путем предварительного создания более прочной хозяйственной базы для политического сотрудничества «шестерки». Председатель комиссии ЕЭС Вальтер Халыштейн заявил в этой связи о необходимости «разбить эконо-

мику каждой из шести стран и слить их воедино, как яйца на сковородке, чтобы из омлета уже нельзя было бы вновь восстановить отдельное яйцо».

В 1958—1963 гг. «общий рынок» со скрипом и перебоями переходил от торгово-таможенных вопросов к согласованию различных сфер экономической политики (транспортной, налоговой, социальной и т. п.). Казенно-оптимистические заявления руководящих деятелей аппарата «шестерки» давали понять, что политическая «интеграция» сама собой вырастет из экономической.

Однако чем обширнее становились полномочия у «наднационального» аппарата ЕЭС, чем больше возможностей получали его высокопоставленные чиновники — «технократы» для вмешательства в дела отдельных стран-участниц, тем сильнее обострялась борьба между монополиями за контроль над будущей политической вершиной «интегрированной» Западной Европы. Исход этой борьбы, а следовательно, расстановка и соотношение сил в «малой Европе» во многом определялись структурой будущей политической надстройки ЕЭС.

Не удивительно, что на повестку дня многочисленных совещаний экспертов и встреч министров ЕЭС властно выдвинулся тот же ключевой вопрос, который пятью годами ранее вызвал банкротство ЕОС и тяжелую встряску всего здания «малой Европы», — вопрос о выборе между принципами «наднациональной интеграции» и «классического» межгосударственного союза.

Оживлению страстей вокруг методов политического сотрудничества «шестерки» способствовал переход с января 1962 г. ко второму этапу реализации Римских соглашений, когда для принятия советом министров ЕЭС решений по ряду важных вопросов уже не требуется единогласия, а достаточно квалифицированного большинства. Именно этим, в частности, объяснялись резкие стычки на Брюссельской конференции по вопросам единой сельскохозяйственной политики в конце 1961 г. Переход ко второму этапу требовал предварительного единогласного признания того, что условия первого этапа выполнены полностью.

Другим фактором, поставившим политическую «интеграцию» в порядок дня многочисленных встреч министров и глав правительств «шестерки», была перспек-

тива сближения Англии и связанных с ней стран так называемой «семерки» с «общим рынком». Это породило у наиболее рьяных «европеистов» опасения, что расширение рамок ЕЭС ослабит политическую сплоченность «малой Европы», подорвет устойчивость ее аппарата, обострит противоречия между участниками и значительно отдалит возможность перерастания «общего рынка» в единое «сверхгосударство» — «Соединенные Штаты Европы».

Наконец, немаловажным фактором было окончание семилетней войны в Алжире, которое в известной мере развязало руки правящим кругам Франции. В надежде компенсировать крах прежних открытых форм своего владычества в Африке они резко повысили свои запросы на политической бирже «общего рынка».

Поводом для начала переговоров о политической «интеграции» послужило принятое 12 мая 1960 г. решение совета министров ЕЭС приблизить сроки реализации Римского договора и срыв американскими империалистами парижской встречи четырех великих держав на высшем уровне. Западноевропейские союзники США были серьезно обеспокоены безответственностью американской военщины, способной в любой момент втравить участников НАТО в ядерный конфликт. Сыграло свою роль и «междоусобица» в Вашингтоне — период подготовки президентских выборов в 1960 г., когда действенность американской внешней политики была явно ослаблена. Западноевропейские участники НАТО воспользовались этим, чтобы лучше подготовиться к новому туру борьбы за влияние внутри организации Североатлантического договора.

Уже с ноября 1959 г. по инициативе Бонна шесть министров иностранных дел «малой Европы» начали регулярно собираться для обсуждения текущих вопросов. Вскоре наиболее видное место на этих совещаниях заняла долго откладывавшаяся проблема сращивания военного и экономического аппаратов «малой Европы», создания связующего «моста» между Римскими и Парижскими соглашениями 1954 г.

В ходе таких консультаций была подготовлена встреча глав правительств «шестерки» в Бонне 18 июля 1961 г. Она завершилась подписанием так называемой Боннской декларации — торжественного заявления сто-

рон о своей решимости «придать соответствующую форму стремлению к политическому единению, уже заложенному в договорах о создании европейских сообществ, и в этих целях организовать сотрудничество между странами Европейского экономического сообщества, предусматривая его дальнейшее развитие и придав ему регулярный характер, что в возрастающей степени будет создавать предпосылки для совместной политики и позволит завершить начатую работу созданием соответствующих учреждений».

С этой целью было решено не только продолжать регулярные встречи министров иностранных дел (они должны были обсуждать наряду с политическими также вопросы сотрудничества в области культуры, образования, научно-исследовательской работы), но и образовать особую комиссию экспертов для разработки конкретной схемы политической организации «малой Европы». Председателем комиссии, составленной из высокопоставленных чиновников шести стран, стал Кристиан Фуше (в то время французский посол в Дании). В статье, напыщенно названной «Историческое значение Боннской декларации», тогдашний министр иностранных дел ФРГ Генрих фон Брентано писал: «С Боннской декларацией восстанавливается взаимосвязь Парижских и Римских соглашений, ЕОУС, ЕЭС и Евратома с политическим строительством подлинной Европы».

Тем не менее, единодушие сторон с самого начала оказалось весьма непрочным.

Еще 29—30 июля 1960 г. во время очередного визита канцлера Аденауэра во Францию президент де Голль пригласил его в Рамбуйе, охотничий замок французских королей. Там под сенью вековых деревьев глава боннского правительства выслушал основные положения французского варианта «политического сообщества» стран «малой Европы». Вслед за тем аналогичных откровений удостоились и другие представители «шестерки». 15—18 сентября 1960 г. влиятельная парижская газета «Монд» опубликовала серию явно инспирированных статей Алэна Пейрефитта (впоследствии министра в правительстве Жоржа Помпиду), где излагались наиболее существенные черты деголлевского плана. Наконец, в ноябре 1961 г. его официальный текст

был положен на стол комиссии экспертов под председательством Фуше.

Наиболее важным аспектом «плана Фуше» являлось построение политического союза по принципу не федерации, а конфедерации — иными словами, «наднациональное» объединение заменялось обычным межгосударственным союзом, члены которого в основном сохраняли свои суверенные права. «Первая характерная черта новой системы состоит в том, что политическая инициатива остается в руках правительств, которые могут не опасаться быть вовлеченными в события, способные угрожать их интересам», — подчеркивал Пейрефитт.

«План Фуше» предусматривал создание организации под названием «Союз», чтобы обеспечить тесное внешнеполитическое, военное, культурное и экономическое сотрудничество стран «малой Европы». Высшим органом Союза должен был стать совет, который четыре раза в год собирался бы в одной из столиц стран «шестерки» на уровне либо глав правительств, либо соответствующих министров. Он принимал бы на первом, переходном, этапе свои решения только единогласно (отдельные участники могли воздержаться: тогда резолюции не являлись для них обязательными). Одобрение решений большинством голосов предполагалось вводить постепенно, в неопределенном будущем — после одного или нескольких референдумов в масштабе шести стран. Союз должен был располагать постоянным аппаратом — комиссиями по политическому, военному и культурному сотрудничеству для подготовки решений совета и проверки их исполнения. Особо оговаривалось, что местопребывание этих комиссий, составленных из чиновников стран-участниц, ни в коем случае не совпадет с резиденциями аппарата уже существующих европейских сообществ — ЕОУС, ЕЭС, «Евратома», расположенными в Люксембурге и Брюсселе. «На практике это означало бы, что политический центр тяжести Союза находился бы в Париже, тогда как в Брюсселе, Люксембурге, а возможно, и в других местах остались бы лишь объединенные технические службы, которые отнюдь не сохранили бы права принимать решения», — отмечал издатель западногерманского журнала «Эйропа-архив» Вильгельм Корнидес.

Хотя авторы «плана Фуше» допускали образование наряду с межправительственным советом также «европейского парламента», но всячески ограничивали его реальные права и категорически настаивали на формировании из существующих парламентов стран-участниц (а не прямыми выборами — во всяком случае, в обозримом будущем). Таким образом, правительство Франции заняло в отношении политического союза точно такую позицию, которую десятью годами ранее, во время переговоров о структуре Европейского совета, защищали представители Великобритании, а тогдашняя французская делегация резко осуждала.

Комиссия Фуше заседала более полугода — с ноября 1961 г. по 15 марта 1962 г., но оказалась бессильной прийти к каким-либо конструктивным решениям.

Остальные пять партнеров Франции по «общему рынку» с самого начала встретили «план Фуше» в штыки, усмотрев в нем посягательство на самые основы «наднациональной интеграции». Многочисленные поправки и контрпредложения к «плану Фуше» предусматривали ускорить отказ от принципа единогласия в совете (если один из участников голосует против, то необходимо заслушать мнение «европейского парламента»). Они предлагали также заранее учесть, что при пересмотре договора о политическом союзе структура его будет приспособлена к ЕЭС, где «наднациональности» отведено достаточно почётное место.

Второй, исправленный вариант французского плана, который был представлен экспертам в январе 1962 г., не только не смягчил разногласий, но, наоборот, довел их до точки кипения. С одной стороны, в разделе о военном сотрудничестве не упоминалась НАТО, а с другой — содержался намек на необходимость подчинения будущему межгосударственному политическому союзу трех уже существующих «наднациональных» сообществ формально экономического характера (ЕОУС, ЕЭС и «Евратома»). Две конференции министров иностранных дел шести стран, собравшиеся 20 марта 1962 г. в Люксембурге и 17 апреля в Париже специально для обсуждения вопроса о политическом сотрудничестве, закончились провалом.

В роли самых непреклонных противников французских предложений оказались Бельгия и Голландия, ру-

пором которых выступил бельгийский министр иностранных дел Поль-Анри Спаак, бывший генеральный секретарь НАТО и защитник последовательного проведения в жизнь «интеграции» по «наднациональному» пути. «Они утверждали, что необходимость единогласного принятия решений автоматически передаст власть в руки того, кто будет чаще других возражать, то есть генерала де Голля», — подчеркивал американский журнал «Харперс мэгэзин». Представители Бенилюкса вряд ли осмелились бы столь дерзко бросить вызов своему западному соседу, если бы не чувствовали мощной поддержки из-за океана.

Финансовая олигархия США считала наиболее выгодными для себя «наднациональные» варианты политического союза «малой Европы», способные, по мнению Вашингтона, больше всего ограничить самостоятельность каждой из стран-участниц и заставить их соблюдать «атлантическую дисциплину». Не удивительно, что к точке зрения Бельгии и Голландии начали склоняться и итальянские правящие круги. «Как страны Бенилюкса, так и Италия не проявляют готовности признать за де Голлем роль лоцмана в водах европейского политического союза», — указывала 5 апреля 1962 г. выходящая в Гамбурге западногерманская газета «Дивельт».

Спаак и его единомышленники добивались создания политического союза «малой Европы» на базе существующих трех «наднациональных» сообществ путем слияния воедино их верховных исполнительных органов, прямых выборов «европейского парламента» и максимального расширения его полномочий. Часть французских буржуазных политиков (членов католической партии МРП, консервативных «независимых», правых социалистов) поддержала этот вариант. Они опасались, что притязания де Голля ухудшат отношения с США, подорвут сплоченность «малой Европы» и окажутся непосильными для финансов страны, которая едва успела оправиться от инфляционной лихорадки.

Пытаясь спасти свой проект от полного провала, генерал де Голль пошел на частичные уступки. Во время переговоров с тогдашним итальянским премьером Фанфани 6 апреля 1962 г. в Турине был согласован компромиссный проект. Он ограждал права существующих

сообществ в области экономики и НАТО — в военных делах, но сохранял основные черты межправительственной конфедерации.

Даже этот смягченный вариант «плана Фуше» оказался нежизнеспособным. Чтобы торпедировать его, голландское правительство потребовало привлечь Англию к разработке условий союза.

Острая борьба внутри ЕЭС поставила ФРГ в довольно щекотливое положение. «Наднациональный» вариант сообщества всегда пользовался большим сочувствием в Бонне, чем деголлевский межгосударственный союз. Западногерманские монополии, располагавшие почти вдвое большим экономическим удельным весом, чем французские, надеялись рано или поздно играть первую скрипку в «наднациональном» сообществе. Кроме того, рисковать сотрудничеством с США ради еще более тесного блока с Францией монополии ФРГ отнюдь не собирались.

Пятерка видных западногерманских «европеистов» во главе с бывшим министром иностранных дел Генрихом фон Брентано, председателем фракции правящей партии Христианско-демократический союз (ХДС) в бундестаге, выступила с на шумевшим заявлением, где «план Фуше» подвергался самой беспощадной критике. Авторы давали понять, что пока лучше обойтись без всякого нового союза, чем ставить под удар уже существующие «наднациональные» сообщества (ЕОУС, ЕЭС и «Евратом»), аппарат которых объявлялся готовым инструментом для расширения политического сотрудничества стран — участниц «малой Европы».

Однако в Бонне не желали ссориться и с французским партнером, в угоду которому канцлер Аденауэр неоднократно допускал демонстративные выпады в адрес Великобритании, намекая на возможность создания политического союза «шестерки» без ее участия.

В начале 1963 г. противоречия, давно зревшие в недрах Европейского экономического сообщества, прорвались наружу, вызвав сильнейший после 1954 г. кризис «интеграции».

Соглашения, достигнутые в ходе переговоров между президентом США Кеннеди и британским премьером Макмилланом на Багамских островах в декабре 1962 г. (так называемый «пакт Нассау»), означали тяжелый

удар для Англии, стремившейся создать собственную атомную «ударную силу», независимую от США. Вынужденное согласие британских правящих кругов с американским проектом «многосторонних ядерных сил» НАТО показало, что в «общем рынке» Англия, если ее примут, будет исполнять роль послушного агента, «тройанского коня» Вашингтона. Честолюбивые проекты Франции захватить политическое «лидерство» в «шестерке» были бы в таком случае неминуемо обречены на провал. «...Со времени капитуляции в Нассау Великобритания уже не та, какой была в момент, когда она впервые постучалась в дверь «шестерки». После выбора, который сделала, она сама не может более гарантировать, что вступление ее в «общий рынок» не повлечет за собой важных политических последствий», — подчеркивал в газете «Монд» французский министр Луи Террнуар.

Почти одновременно в ФРГ вспыхнул острый политический кризис в связи с полицейской расправой, учиненной над буржуазно-оппозиционным журналом «Шпигель». Канцлеру Аденауэру удалось замять громкий скандал лишь ценой обещания уйти в отставку не позже осени 1963 г. Однако в таком случае «ось Париж — Бонн» оказалась бы под угрозой, так как деятели, претендовавшие на «наследство» престарелого канцлера, в частности министр хозяйства Людвиг Эрхард, давно уже подвергали критике аденауэровский курс на теснейшее сотрудничество с Францией и требовали дополнить его более активным сближением с Великобританией. «Учитывая, что в сентябре Аденауэра сменят проанглийски настроенные Эрхард и Шредер, здесь намерены придерживаться политики выжидания», — отмечала лондонская газета «Дейли мейл» в начале 1963 г.

Требования группы Эрхарда — Шредера отражали интересы ряда крупных монополистических группировок ФРГ, считавших рамки «шестерки» чересчур узкими и опасавшихся потерять рынки бывших британских колоний и доминионов, а также близких к Англии небольших западноевропейских стран, которые сколотили в 1959 г. «семерку» — Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ). Вступление Англии в ЕЭС рассматривалось соперниками Аденауэра как фактор,

способный облегчить Бонну игру на противоречиях между Парижем и Лондоном.

«Пакт Нассау» и перспектива отставки Аденауэра не могли не вызвать серьезного беспокойства у французских монополистов, и без того встревоженных крахом «плана Фуше». Их ответом явилась пресс-конференция генерала де Голля 14 января 1963 г. Президент Пятой республики демонстративно дал понять, что не намерен допускать Англию в ЕЭС. Две недели спустя, 28 января, под нажимом французской делегации переговоры в Брюсселе об условиях присоединения Британии к «общему рынку» были прерваны и отложены на неопределенное время.

Мотивируя свой вызывающий жест, де Голль без обиняков указал на тесные связи Англии с США, а также заинтересованность Лондона в сохранении так называемого Содружества наций — остатков бывшей колониальной империи. В таких условиях включение в «общий рынок» Англии и близких к ней западноевропейских стран неминуемо вело, по мнению де Голля, к растворению уже сложившегося вокруг «оси Париж—Бонн» политического ядра ЕЭС в малообязывающем, туманном объединении, которое к тому же оказалось бы под безраздельным контролем США. «Можно предвидеть, что сплоченность его членов, которые будут очень многочисленны и очень многообразны, не продержится долго и в конечном счете появится колоссальное атлантическое сообщество, зависящее от американцев и под американским руководством, которое быстро поглотит сообщество Европы», — подчеркивал де Голль.

Париж отдавал себе отчет в том, что французский империализм слишком слаб, чтобы в одиночку бросить вызов Вашингтону. Поэтому одновременно с саботажем брюссельских переговоров о вступлении Англии в ЕЭС французская дипломатия сделала еще один решительный шаг.

22 января 1963 г. во время очередного визита канцлера Аденауэра в Париже был подписан договор о военном, политическом и культурном сотрудничестве, официально закреплявший «ось Париж — Бонн».

Ядром парижского договора служили его военные статьи. Они предусматривали разработку единой стратегической доктрины обеих армий в рамках НАТО, со-

гласование программ вооружений, совместное производство наиболее дорогостоящих его видов, обмен опытом путем организации стажировки офицеров и целых воинских частей Франции в ФРГ и, наоборот, создание общего центра оперативных исследований. В политическом отношении стороны обязывались не предпринимать впредь никаких важных решений без предварительной консультации друг с другом (по вопросам политики в западноевропейских сообществах, в отношении НАТО и т. д.). Для согласования внешнеполитического курса и военных мероприятий имелось в виду организовать регулярные встречи глав государств и правительств по меньшей мере раз в полгода, министров иностранных дел, обороны, народного образования — раз в три месяца и начальников штабов — раз в два месяца. Предусматривались также меры по расширению культурного обмена и сотрудничества в области пропаганды.

В основу текста парижского договора, который по предложению Аденауэра для пущей торжественности подлежал ратификации парламентами обеих стран, был положен французский меморандум. Он был представлен Бонну еще в сентябре 1962 г. после обмена визитами между западногерманским канцлером и французским президентом.

Правящие круги Пятой республики пытались заранее связать руки преемникам Аденауэра, затруднить их сближение с Лондоном. В Париже надеялись также на то, что франко-боннский договор, весьма похожий на провалившийся «план Фуше», станет новым отправным пунктом для политического объединения «малой Европы» в форме межгосударственного союза под главенством Франции.

«Совершенно ясно, что Елисейский дворец (резиденция главы государства во Франции.— Ю. Р.) рассчитывает на канцлера Аденауэра. По мнению генерала де Голля, подписанный недавно договор, являющийся выражением политики канцлера, налагает на Западную Германию обязательства, от которых она не сможет отступить,— писал парижский еженедельник «Экспресс». — Именно на основе этого союза должна возродиться «политическая Европа», о которой мечтает глава французского государства».

В качестве дополнительных шагов для укрепления французских позиций в Западной Европе и изоляции Англии дипломатия Пятой республики начала усиленный флирт с фашистскими диктаторами Франко и Салазаром. Начальник французского генштаба генерал Шарль Айере посетил Мадрид, где вел переговоры с франкистским вице-премьером Муньосом Грандесом, в прошлом главарем пресловутой «Голубой дивизии», разгромленной на советско-германском фронте. Речь шла о тесной кооперации военно-морских и военно-воздушных сил обеих стран. Определенный зондаж был проведен представителями Франции и в столице Дании, которую предлагалось оторвать от Великобритании и пристегнуть к «общему рынку».

Обозреватели связывали эту закулисную возню с намерением генерала де Голля реализовать старую мечту французских монополий, сформулированную им в третьем томе «Военных мемуаров»: «Заставить сплотиться в политическом, экономическом и стратегическом отношении государства, соприкасающиеся с Рейном, Альпами и Пиренеями. Превратить эту организацию в одну из трех мировых держав, а если когда-нибудь понадобится — в арбитра между двумя лагерями, советским и англо-саксонским».

Жизнь вдребезги разбила эти честолюбивые, авантюристические замыслы. В ноте, направленной Франции 5 февраля 1963 г., Советское правительство предупредило: «Договор о франко-западногерманском сотрудничестве — это не просто договор, регулирующий отношения между двумя соседними государствами. Не будет ошибкой сказать, что это своего рода таран, занесенный для удара по зданию европейского мира, которое и без того все еще не имеет прочного фундамента. 22 января в Париже подписан не договор мира, а договор войны». События полностью подтвердили глубокую справедливость и своевременность такого предупреждения.

Действия генерала де Голля, которые еще более расшатывали и без того непрочную «атлантическую дисциплину», вызвали, естественно, резкое недовольство в Вашингтоне и Лондоне. Британские газеты, уязвленные унижением Англии в Брюсселе, клеймили «наглую амбицию» французского президента («Дейли геральд»), его

«честолюбие, основанное на безумии» («Дейли мир-рор»), жаловались на «удар ножом в спину» («Дейли мейл») и т. д. Американская пресса угрожающе намекала на возможность «мучительной переоценки» всей политики США в Западной Европе.

Вскоре эти угрозы начали принимать более реальные очертания. Правящие круги США и Англии стали оказывать давление на Бельгию, Голландию, Люксембург и Италию, которые уже давно опасались попасть между жерновами «оси Париж — Бонн» и потому всячески приветствовали перспективу вступления Англии в «общий рынок», видя в этом известный противовес франко-боннскому диктату.

Одним из первых мероприятий британского премьера Макмиллана после краха переговоров в Брюсселе явился визит в Рим 1 февраля 1963 г. Хотя итоги визита были оценены довольно сдержанно, а формула «ось Лондон — Рим», противопоставленная «оси Париж — Бонн», вызвала официальное опровержение, известных результатов Макмиллану все же удалось добиться. Пресса усиленно заговорила о необходимости срочно оживить полузабытый Западноевропейский союз. Его начали изображать как единственно реальную базу для политического объединения. «В политической области возрождение Западноевропейского союза в составе семи государств рассматривается здесь как многообещающее средство сохранения за Англией права голоса в политических делах Европы», — писал из Бонна корреспондент американской газеты «Нью-Йорк таймс» Артур Олсен.

Но главным инструментом нажима на Париж американская и английская дипломатия считали привлечение на свою сторону Бонна. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Макс Френкель следующим образом характеризовал тактику государственного департамента: «Как можно скорее организовать многонациональные ядерные силы союзников, чтобы доказать, в частности, Западной Германии, что путь к достижению большего дипломатического и военного влияния лежит через Вашингтон, а не Париж».

Западногерманские реваншисты оказывались в выигрышном положении разборчивой невесты. Они получили возможность шантажировать поочередно своих

перегрызшихся союзников по НАТО, чтобы выторговать максимум уступок и добиться поскорее главного объекта своих вождельных — контроля в любой форме над атомным оружием. Налаживая тесное ядерное сотрудничество с Францией через «ось Париж — Бонн», руководители бундесвера открыто выражали готовность принять участие и в проектируемых США «многонациональных ядерных силах» НАТО.

Тот же нехитрый прием двойной бухгалтерии применялся боннской дипломатией и в борьбе за политическое «лидерство» среди западноевропейских стран. Не успели высохнуть чернила на договоре о сотрудничестве ФРГ с Францией, как Аденауэр, ссылаясь на оппозицию в бундестаге и недовольство остальных четырех стран «шестерки», начал вновь выторговывать у Парижа согласие на старый план «наднациональной» политической «интеграции» путем слияния исполнительных органов ЕЭС, ЕОУС и «Евратома», а также выборов «европейской ассамблеи» всеобщим голосованием. Недвусмысленно намекалось на возможность, в случае отказа Франции, поддержки Бонном британского плана гальванизации Западноевропейского союза.

Сложные перипетии борьбы империалистов вокруг политической «интеграции» в Западной Европе особенно наглядно показывают, к каким опасным для народов последствиям ведет реализация пресловутой «европейской идеи». С каждым днем становится все более очевидной глубокая враждебность этой «идеи» делу мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества на европейском континенте.

Заключение

История «интеграции» Западной Европы на протяжении последних десятилетий свидетельствует о том, что, какую бы форму ни принимали и какой бы пышной вывеской ни прикрывались международные объединения империалистических держав, их сугубо реакционная сущность и роль остаются неизменными. Обуреваемый смертельным страхом перед будущим, дряхлеющий мир частной собственности пытается оттянуть час своей неминуемой гибели. Однако приговор, вынесенный эксплуататорскому обществу историей, окончатель-

лен и обжалованию не подлежит. Особенностью капитализма на нынешнем, третьем этапе его общего кризиса является порождение им все новых внутренних противоречий, которые невозможно устранить прежними способами. «Европейская интеграция» — это одна из попыток решить их новыми методами. Однако и они не смогут излечить пораженный смертельной, быстро прогрессирующей болезнью организм буржуазного общества.

В то время как империализм все более явно обнаруживает неспособность удержать первенство в экономике и бразды мировой политики, мировая система социализма на наших глазах превращается в решающий фактор развития человечества. Свое воздействие на ход мирового революционного процесса она оказывает прежде всего экономическими успехами.

К началу 60-х годов бурное экономическое развитие стран социализма достигло такой высокой степени, что они получили возможность гораздо полнее использовать преимущества плановой социалистической экономики в международном масштабе.

Этому были посвящены решения Московского совещания первых секретарей центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи в июне 1962 г. Социалистические государства переходят к новому этапу сотрудничества и разделения труда: согласованию народнохозяйственных планов, кооперированию и координации производства, коллективному освоению природных богатств, созданию общей сырьевой, топливно-энергетической базы и т. д. В противоположность империалистической «интеграции» формирование международного хозяйственного комплекса мирового социализма проходит на началах полного равенства, гармонического учета и согласования интересов всех участников.

Выступая на ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС, Н. С. Хрущев указывал: «В мировом развитии четко наметились две тенденции. Первая тенденция — все более тесное сближение национальных хозяйств социалистических стран, прогрессивный процесс интернационализации их производительных сил. Вторая тенденция — капиталистическая «интеграция», которая ста-

вит своей целью объединить усилия монополистического капитала разных стран в борьбе против растущей мировой системы социализма. Но стремление монополий к объединению неизбежно сопровождается резким обострением межимпериалистических противоречий, трений, конфликтов. Только социализм способен решить задачу подлинной интернационализации хозяйственной жизни, которая диктуется современным уровнем развития производительных сил».

Справедливость этих слов каждый день доказывается фактами.

Содержание

Уроки прошлого	4
Под флагом «пан-Европы»	7
«Европейская идея» после второй мировой войны . .	12
Рождение и кризис «малой Европы»	19
Экономика и политика «общего рынка»	28
От сотрудничества к противоречиям	37
Судьбы «плана Фуше»	47
Заключение	60

Рубинский Юрий Ильич.

СОЮЗ ОБРЕЧЕННЫХ (О планах политической «интеграции» в Западной Европе). М., Политиздат, 1963.
63 с.

327.2

Редактор *Н. Алентьева*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *О. Семенова*

Сдано в набор 29 июля 1963 г. Подписано в печать 21 августа 1963 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2. Условн. печ. л. 3,28.
Учетно-изд. л. 3,10. Тираж 35 тыс. экз. А 07440.
Заказ № 1531. Цена 7 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

7 коп.